

АРМИЯ ШУТИТ

АНТОЛОГИЯ
ВОЕННОГО
ЮМОРА

Юмор – это серьезно

Валерий Шамбаров

**Армия шутит. Антология
военного юмора**

«Алгоритм»

2016

УДК 821.161.1-7
ББК 84(2Рос=Рус)6-7

Шамбаров В. Е.

Армия шутит. Антология военного юмора /
В. Е. Шамбаров — «Алгоритм», 2016 — (Юмор – это
серьезно)

ISBN 978-5-906914-40-8

Самые веселые и жизнерадостные люди на свете – это не юмористы, не студенты, не одесситы. Это русские военные. Они шутят всегда и везде, в любой ситуации, даже когда совсем худо и остается только позубоскалить над своим положением. Известный писатель Валерий Шамбаров, долгое время прослуживший в армии и до сих пор сотрудничающий с военными структурами, представляет читателю книгу баек, шуток, юмора и фольклорных перлов, собранных и записанных им по ходу службы.

УДК 821.161.1-7
ББК 84(2Рос=Рус)6-7

ISBN 978-5-906914-40-8

© Шамбаров В. Е., 2016
© Алгоритм, 2016

Содержание

От автора	7
Армейские байки	8
Гусарские традиции	8
На чем горели шпионы?	9
Сыны степей	10
Шуточки	11
Прогулялись	12
«Красные» и «белые»	13
Что написано пером...	14
Как выполнять приказы?	15
Военная кафедра	16
Доклад	17
Глазомер, быстрота...	18
Рекордсмены	19
Ядерные удары и панфиловцы	20
На «точках»	22
Солдаты из подземелья	23
«Тонким слоем...»	24
Таинственный отец	25
Когда жениться?	26
Стенгазета	27
Четкий замер	28
Поздравление	29
Одуванчики	30
Офицерская смекалка	31
Не рой другому яму!	32
Стройбаты	33
Экзотическое блюдо	35
Загадки русской души	36
Язык мой – враг мой	37
Вопрос психологии	38
На параде	39
В едином строю	40
Дембель	41
Граната	42
Соратница Чкалова	43
Лексикон	44
Высочайшее начальство	45
Ишак	47
Бараний десант	48
Стратегический объект	49
Уважительная причина	50
Приказано симулировать!	51
Табель о рангах	53
Кошачье царство	54
Наука и устав	56

«Левша»	57
Боевая единица	58
Парашютисты	59
Военная хитрость	60
Товарищи по оружию	61
Бдительность	62
«Шпион» Сашка	63
Пьянству – бой!	65
Перестройка	66
«Гореловщина»	67
На заработки	69
Конец ознакомительного фрагмента.	71

Валерий Шамбаров
Армия шутит. Антология
военного юмора

© Шамбаров В.Е., 2016

© ООО «ТД Алгоритм», 2017

От автора

Кто самые веселые и жизнерадостные люди на свете? Юмористы? Нет. Они шутят профессионально, по работе, а в быту многие из них бывают довольно скучными людьми. Студенты? Опять нет. Они и раньше веселились не всегда, а только от сессии до сессии. А сейчас им постоянно приходится о заработках думать, тут не до веселья. Одесситы? Опять нет. Они уже просто свой имидж поддерживают, вспоминают и повторяют старое, чтобы сохранить традиционное «лицо». Врачи, учителя, чиновники, заведомо отпадают. Им по своему положению не положено быть несерьезными. Коммерсантам тем более. Кто же пойдет лечиться к несерьезному врачу или заключит сделку с несерьезным бизнесменом. А за несерьезного политического деятеля избиратели разве проголосуют?

Самые веселые люди – это русские военные. Так уж испокон веков повелось. Историки отмечают развитое чувство юмора у большинства знаменитых полководцев – св. Владимира Крестителя, св. Александра Невского, Петра I, Суворова, Кутузова, Скобелева. Шутили их офицеры, шутили солдаты. Ведь не зря же в народе рождались сказки про солдатскую кашу из топора и анекдоты про поручика Ржевского, писались поэмы и картины с Василием Теркиным.

Военные шутят всегда и везде. В походе, на привале, по ходу учебных занятий, работ и на дежурствах, когда делать нечего. Шутят на войне, в боях – там без этого вообще нельзя. Даже когда совсем тошно и, казалось бы, не до шуток, вот тут-то и шутят. Иначе, если раскиснуть, совсем хана. А шутка и самого подбодрит, и у товарищей, подчиненных дух поддержит. Поэтому веселые люди в армии ценятся, задают тон, а привычка воспринимать происходящее с юмором становится такой же естественной чертой военной жизни, как дисциплина и умение обращаться с оружием. Иногда армейские шутки бывают грубоватыми, не совсем приличными. Но такая уж специфика. Они ведь и предназначаются не для сборников изящной словесности или элитных салонов, а для такого же окружения. Грубоватого, не затрудняющего себя подбором слов и выражений, но простого, честного и открытого, способного оценить, где действительно смешно.

А байки – это особый вид фольклорного творчества. Их не рассказывают, их «травят». Примерно так же, как анекдоты. Но анекдоты рождает народная фантазия. А основой байки становится какой-нибудь реальный случай. Может быть, совсем мелкий, незначительный, но неординарный или курьезный, способный заинтересовать собеседников. Их травят друг другу в армейских курилках, каптерках, дежурках, на товарищеских застольях. Конечно, при этом какие-то детали и подробности могут стираться, искажаться, варьироваться – чтобы звучало лучше. Вот я и предлагаю читателям подборку баек, собравшихся у меня за годы офицерской службы. В некоторых из них я сам принимал участие или был свидетелем. Другие слышал от сослуживцев. Ну что ж, за что купил – за то продаю...

Армейские байки

Гусарские традиции

Однажды в Монинскую академию приехали в командировку молодые офицеры-летчики – на какие-то курсы повышения квалификации. Остановились в гостинице, а дальше, как водится, отправились погусарить. Отметиться за приезд, за знакомство, за папу, за маму. Отметились очень основательно. Так основательно, что даже с девушками уже, оказалось, познакомиться нереально. Двинулись обратно на автопилоте. Но неподалеку от гостиницы, на стадионе, лошадь увидели. Уж что она там делала, неизвестно. А у одного из летунов разыгралось гусарство в полную силушку. Решил показать, что он и с этой техникой управляться умеет. Взгромоздился верхом на сивку-бурку, доехал на ней до гостиницы. Да еще и мало показалось. В двери конягу направил, кое-как протиснулся и въехал на ней на третий этаж. Дальше автопилот ему подсказал, что уже прибыли, он сполз с лошади в свой номер, где и вырубился.

Конечно, шум поднялся колоссальный. Да и немудрено – и администрация гостиницы, и вся служба тыла, и начальство академии оказались на уши поставлены. Как скотину обратно извлечь? Она же вниз по лестнице идти не хочет! Упирается, боится. А коридоры и лестницы узенькие. Не развернешься, чтобы ее каким-то образом поддерживать, подталкивать или силком выносить! В общем, все намаялись и головы изломали, пока лошадушку каким-то образом сумели спустить с третьего этажа и выставить из гостиницы. Ну а скандалаще замутился такой, что докатился до управления кадров Министерства обороны, где и предстояло решать судьбу виновника.

А главным инспектором Вооруженных сил по кадрам был в ту пору знаменитый маршал Семен Михайлович Буденный – уже очень старенький и дряхленький, для него специально нашли спокойную должность на остаток жизни. Когда он узнал, что произошло, страшно раскипятился:

– Что?! Лошадь мучить? Да как он посмел! Да за такое – под суд!.. Под трибунал!

Порученцы увидели, что воздаяние может оказаться совершенно неадекватным содеянному греху, пытались как-то смягчить. Но старый кавалерист Буденный ни о каком послаблении даже слышать не желал. Возмутился и сокрушался:

– Лошадь мучить – последнее дело!

Но подчиненные своего маршала хорошо изучили и сманеврировали с другой стороны: а вы, мол, оцените, Семен Михайлович – летчик, да еще в пьяном виде, сумел верхом на третий этаж заехать! Это же не каждый кавалерист смог бы!

И впрямь, помогло. Тронул он седые усы – видать, припоминая собственную молодость. Задумался, постепенно расплываясь в улыбке:

– Да, это верно! Лихой офицер! На третий этаж – это да! Молодчина... Но с другой стороны – все же нехорошо, лошадь-то мучить...

В результате любитель верховой езды, считай, вышел сухим из воды. Отделался всего лишь выговором.

На чем горели шпионы?

Наверное, книжки про Джеймсов Бондов читали все. Как они там лихо орудовали, наших вокруг пальцев обводили! Но вот какой случай произошел на испытательной базе в Ахтубинске. Там была одна дальняя площадка с «особым режимом». То есть, внутри общей закрытой территории она была еще и отдельно огорожена, имела свою проходную. Чтобы попасть туда, нужно было не просто пропуск показать, а еще и специальный вкладыш. Хотя это только теоретически. Служебная зона была огромная. Чтобы попасть из одной части в другую, надо было или попутку ловить или на своих двоих шагать несколько километров. А дальняя площадка, о которой идет речь, оказывалась в прямом смысле дальней – в том числе от начальства. Поэтому пропусков там никогда не проверяли, солдаты-контролеры балдели и бездельничали. Офицеры, которые там проводили работы, спокойно шли мимо, даже руку в карман не совали. «Особые» вкладыши большинство даже не брало с собой. Еще потеряешь, неприятностей не оберешься!

И вот как-то утром идут на службу вереницы людей. Как обычно, не обращают на контролеров никакого внимания. Но один вдруг подошел к проходной, увидел, что там бойцы стоят и плакатик «Стой! Предъяви пропуск!». Остановился, замялся и повернул назад... Если бы, как все, шагал дальше без пропуска, то и прошел бы. Но такое поведение солдат крайне удивило. Тащился сюда несколько километров – и в обратную сторону! Человека задержали. Отговариваться он начал слишком неубедительно, сразу ясно, не «здешний». Тут уж подъехали из комендатуры, режимщики из штаба. У неизвестного нашли паспорт иностранного туриста, хотя по-русски он говорил чистейше. А откуда он взял форму, служебные документы, как и зачем попал на территорию испытательного центра, это уже выясняли другие органы, и посторонним не сообщали. Вот так! Русского разгильдяйства не учел! Абдительные разгильдяи получили заслуженные десять суток отпуска.

Сыны степей

К востоку от Нижней Волги, по степям, лежали огромные, на сотни километров, полигоны ВВС. Когда проводились испытания со сбросом бомб или пусками ракет, об этом положено было информировать соответствующие обкомы партии. Дело в том, что по степям кочевали и казахи с отарами овец. Предполагалось, что обком должен оповестить те или иные колхозы, а они – своих пастухов, чтобы в такой-то квадрат не совались. Хотя доходили ли эти сведения до колхозного руководства, трудно сказать. А до самих пастухов они точно не доходили. Где их искать-то по бескрайним степям? Как с ними связываться? Похоже, партийная и колхозная администрация относилась к вопросу философски и предоставляла его на волю Аллаха. Стойбища были малочисленные, бродили далеко друг от друга. Авось не заденет. А если и заденет отару, убьет несколько овец – кто их там считал-то? В иной год от бескормицы все равно гораздо больше подохнет...

Жизнь у этих пастухов была совершенно патриархальной. Кочевали так же, как их предки сотни лет назад. Только раньше для бая овец пасли, а теперь для колхоза. Для рядовых казахов в этом особой разницы не просматривалось. Для них что бай, что председатель были очень далекой и высокой величиной. Несколько семей или одна большая семья из нескольких поколений постепенно перетекали с места на место, лишь изредка приближаясь к очагам «цивилизации».

И как-то раз на одном из полигонов при испытательных стрельбах потерялась боевая часть ракеты. Искали-искали, так и не нашли. Случай, конечно, неприятный – бумажной волокиты много, объяснять, докладывать, списывать потерю. Но в общем-то ничего экстраординарного, периодически подобное случалось. Мало ли, куда могла закатиться или зарыться такая штуковина? В общем, отписались и забыли. Прошло довольно много уже времени, как вдруг с «верхов» разразилась страшная буря с громами и молниями. И начальника полигона снимают – за халатность и безответственность... Что же, оказывается, случилось?

Как выяснилось, на боевую часть наткнулись казахи. Она представляла собой стальной цилиндр, наполненный взрывчаткой и выкрашенный в ярко-оранжевый цвет – как раз для того, чтобы удобнее искать было. Но пастухи о таких вещах вообще не задумывались, а металл в степи – редкость. Они сочли находку очень полезной и прихватили с собой. Оранжевый цилиндр долго путешествовал по степям во вьюках лошадей и верблюдов. Хозяйство в кочевьях было близко к натуральному, и боевую часть использовали в качестве походной наковальни. Благо, взрывчатое вещество, которое использовалось в этой ракете, на удары не реагировало. Но вот однажды в море степей это стойбище встретило других казахов, точно таких же. Событие не частое, по местным меркам – праздник. Зарезали барана, решили делать шашлык. Однако набрать в степи подходящих камней тоже непросто, поэтому для устройства мангала с одной стороны костра положили «наковальню». Вот такого обращения с собой боевая часть уже не выдержала... А начальнику полигона пришлось отвечать, когда от уцелевших казахов узнали, откуда они притащили взорвавшийся предмет.

Шуточки

Розыгрыши на службе очень любят. Свои особенные приемы шуточек существуют в разных видах и родах войск – у артиллеристов, связистов, танкистов. У моряков, например, новичку могут дать напильник и поручить ему подточить якорь, чтобы лучше в грунт входил. Или на камбузе дать задание продуть макароны. А в авиации самый эффектный, «классический» розыгрыш практиковался зимой, где-нибудь на дальней стоянке или полевом аэродроме. В общем, там, где стационарного сортира нет.

Зимний комбинезон, летный или технический, застегивается спереди на молнию, а сверху еще теплая куртка надевается. Если кому-то приспичит по-малому, все просто. Расстегнул комбинезон – и пожалуйста. А вот если по-большому, дело гораздо сложнее. Нужно снять куртку. Потом расстегнуть комбинезон. Спустить его с плеч и со спины. Протащить вперед между ног, открывая седалище. Дальше спустить то, что под комбинезоном надето. И уж потом присаживаться, собрав большим комком и держа в охапке всю спущенную часть комбинезона.

Вот эти сложности и использовали для розыгрыша. Товарищи видят, что человек суетится, бумажку ищет и за сугробы побежал. Пока он со своим костюмом возится и присаживается, кто-нибудь незаметно подбирается сзади и подсовывает под него лопату. Они на стоянках всегда есть – широкие, фанерные, для уборки снега. А едва жертва нужду справит, лопата с его отходами быстренько назад убирается. Соответственно, исчезает и шутник, который ее подсовывал. А человек встает. Начинает свой костюм в обратном порядке расправлять и напяливать. Комбинезон, потом куртку. Оглядывается – и ничего не понимает. Он же чувствовал, что производил – а произведений нет! Озирается, тычет в снег сапогом или валенком. Нет – и все!

Покрутившись так и эдак, он машет рукой на нерешенную загадку. Возвращается на стоянку или в каптерку. А тут-то и начинается главное развлечение. Сослуживцы вдруг принимают носы морщить и ворчать:

– Фу! Откуда дерьмом несет?

– Ага, точно... Запах откуда-то...

– Да, воняет... прямо живым дерьмом, будто где-то рядом...

Задержается жертва, занервничает. Он же под собой ничего не обнаружил! Его одолевают сомнения. Улучив момент, он снова бежит за сугробы. А все уже за ним следом – подсматривать и потешаться. Он пыхтит, опять куртку стаскивает, комбинезон спускает и все, что под ним. Начинает свою амуницию перетряхивать и исследовать. Ведь, наверное, где-то в одежде, в складки попало и прилипло. Ничего не найдет, вернется – но повторяется то же самое:

– О! Чуешь! Опять будто потянуло...

– Ага... Только что вроде бы развеялось, и снова воняет...

Он помнется-помнется, и второй раз бежит. И так до тех пор, пока кто-то из шутников не выдержит, разоржется. Либо пока их мишень не догадается, что ее разыграли.

Прогулялись

Как-то в Болгарии проходил международный молодежный фестиваль. И туда решили послать делегацию армейских комсомольцев. Но рядовой и сержантский состав, ясное дело, даже близко от нее не оказался. Заграница! Хоть Болгария и была «соцстраной», но в советское время попасть туда было сказочной удачей. А уж для военных – только по службе. В ходе жесткой конкурентной борьбы в списки набирали штатных комсомольских работников, у которых «лапа» хорошая в вышестоящих политорганах, чьих-то высокопоставленных дочек, не поступивших в институты и пристроенных где-нибудь в штабах, полезных для знакомств тыловиков, девиц из военторга.

Делегация пробыла там неделю. Вернулись счастливики в полнейшем восторге: «Вот это да! Просто бесподобно!» Тем, кто в число счастливицов не попал, конечно же, интересно. Насели, спрашивают – ну и как там за границей, что было, какие впечатления? «Впечатления – вообще фантастика! Только и делали, что поддавали – и по девкам!». Разумеется, эта тема вызвала особое внимание слушателей. «Ну и как они, болгарки?» «Да какие болгарки! Мы с нашими бабами!» «А вино какое там, лучше, чем у нас продают?» «Кто его знает! Мы водки с собой набрали». «Ну а как вообще Варна? Как фестиваль?» Они переглянулись и недоуменно пожали плечами: «Да мы и не видели. Всю неделю из гостиницы не вылезали...»

«Красные» и «белые»

На 7 ноября в 1977 году был назначен парад в честь 60-летия революции. Как обычно, для этого выделили парадные расчеты от училищ и академий. Выбирали лучших строевиков, тренировали до седьмого пота. А когда начались репетиции в Москве, курсанты и слушатели вдруг узнали, что им предстоит маршировать не в своей форме, а в исторической, красноармейской, ее специально пошили для колорита революционного юбилея.

Что ж, надо – значит, надо. Каждому выдали буденовку, длинную шинель, ботинки с обмотками, винтовку-трехлинейку. Снаряжение совершенно непривычное. Пришлось снова до семи потов строевой заниматься, пока не освоили маршировку в видоизмененном облике. Но все-таки отработали безупречно. Научились вышагивать не хуже, чем обычно. И вот настало время генеральной репетиции. А на нее привезли исторического консультанта, какого-то дряхлого старичка-большевика. Промаршировали перед ним блестяще. Но он увидел – и аж за сердце схватился:

– Да вы что? Разве это красные? Это же белогвардейцы! Офицерские полки! Красные никогда так не ходили!..

Пришлось в спешном порядке переучиваться. Строй специально «сломали», нарушив строгое равнение в шеренгах. Ногу «сбили» – чтобы шагать не всем разом, а «горохом», вразной. Неизвестно сколько раз через матюгальники всем внушали – не «печатать» шаг ударом всей подошвы, а ступать помягче, на каблук. Штыки винтовок «развалили» – чтоб смотрели с небольшим наклоном, у одного вправо, у другого влево, и чтобы колебались при ходьбе. Лишь тогда старый большевик удовлетворенно заулыбался:

– Во! Теперь то, что надо! Вот это действительно красные!

Что написано пером...

Где-то в 1930-х годах вышел приказ Наркома обороны: командир полка, увольняющийся из рядов Красной армии, имеет право взять с собой лошадь. Ведь тогда любому командиру лошадь полагалась. Скотина привыкала к хозяину, он – к ней. Вот и проявили уважение к старшим начальникам. Уходишь на покой – можешь забрать свое транспортное средство. Шли годы. Командиров стали возить не кони, а машины. Да и вообще лошади со службы постепенно исчезли. Ясное дело, что и забирать их перестали. Но приказ отменен не был. О нем просто забыли.

И вот уже в 1970-х один из командиров авиационных полков случайным образом наткнулся на старый приказ. Заинтересовался. Ему как раз вскоре подоспело время со службой прощаться, и он подал рапорт – прошу выдать лошадь, положенную мне согласно приказу Наркома обороны номер такой-то от такого-то числа тысяча девятьсот тридцать какого-то года. Начальство поразилось. Пыталось беседы вести: дескать, ты в своем уме? Но он стоял на своем: нет, имею право, и вы обязаны меня обеспечить. А не можете – представьте рапорт по команде. Дошло до Министерства обороны. Там штабные канцеляристы принялись проверять, копаться – действительно! Приказ существует, и он не отменен! Стали уговаривать увольняющегося командира: ну зачем вам лошадь? Куда вы ее денете в своей квартире? Нет, он уперся: имею право, а уж куда ее девать – мое дело. А пока не удовлетворите мое законное требование, не можете увольнять. Наконец, договорились, выплатили ему стоимость лошади деньгами. Но после этого мгновенно подготовили и подписали у министра обороны приказ об отмене того, старого.

Как выполнять приказы?

Как-то одного нашего офицера, подполковника Н., отправили в командировку в Астрахань. Выполнял он, зачем посылали, надо назад ехать. А был конец лета, сезон отпусков заканчивается, школьники с каникул возвращаются. Он потыкался по кассам, на ближайшие дни – глухо. Посылает в часть телеграмму: так, мол, и так, на поезда и самолеты билетов нет, в связи с чем прошу продлить командировку. Но незадолго до того Леонид Ильич Брежнев как раз лозунг кинул: «Экономика должна быть экономной». Соответственно, и в войсках на разных уровнях повторяли указания о сокращении расходов, в том числе командировочных. Вдобавок телеграмму доложили командиру части под дурное настроение. Он разбушевался: как это так – продлить? Это что же получается – офицер за казенный счет будет там бездельничать и пузо греть на волжском пляже? В порыве гнева командир тут же продиктовал ответную телеграмму: **«ВЫЕЗЖАТЬ НЕМЕДЛЕННО ЛЮБЫМ ТРАНСПОРТОМ»** – и за своей подписью.

Но эмоции – ох какой плохой советчик! Подполковник Н. был служакой старым, многоопытным, ему уже до пенсии чуть-чуть оставалось. Приказ у него был, письменный, телеграмма – это же документ! В Астрахани у него были друзья, одолжил у них денег. В части только рты пораскрывали, когда получили от него следующую телеграмму: **«ВАШЕ ПРИКАЗАНИЕ ВЫПОЛНЕНО ВЫЕЗЖАЮ СЕГОДНЯ ТЕПЛОХОДОМ»**. Командир, конечно, на стенку полез. Но сделать уже ничего не мог. Мобильников в те времена не существовало. Плышет человек где-то по Волге, и достань его! В общем, подполковник устроил себе прекрасный отпуск с теплоходным круизом от Астрахани до Москвы. Пока плыл, командир успел остыть и понять – сам виноват, спрашивать не с кого. А командировочный, вернувшись в часть, предъявил телеграмму. Финчасть, разумеется, пободалась, подергалась, но вынуждена была оплатить и билеты, и суточные за все время путешествия. Ведь человек строго и пунктуально выполнил поступивший приказ – выехал «немедленно» и «любым транспортом». Так что не придерешься.

Военная кафедра

Свое первое военное образование мне довелось получить на военной кафедре Московского инженерно-физического института. Сразу скажу: подготовку там давали прекрасную, и дубов-преподавателей у нас не было. А вот от дубоватых студентов им порой приходилось серьезно страдать.

Однажды весь наш курс вывезли на полигон училища им. Верховного Совета, чтобы попрактиковаться во владении различными видами оружия. В том числе метали гранаты. Вызывали по 10 человек и отводили в поле, где была вырыта небольшая траншея с крошечным блиндажиком человека на 3–4. Заводили десяток студентов в траншею, а потом по очереди, под непосредственным руководством офицера каждый бросал боевую эргэдэшку. Один швырнул, другой, третий... Наш начальник потока, подполковник Гордеев, подзывает следующего. Дал гранату и диктует, чтобы тот ничего не перепутал: «Бери в правую руку... выдергивай кольцо... а теперь бросай...» Но студент-то оказался левшой! И перед броском автоматически переложил гранату в левую руку. Из правой.

Для непосвященных поясню, что у гранаты есть чека – скоба такая сбоку от корпуса. Когда кольцо выдергиваешь – это удаляешь контровку, фиксировавшую чеку. Дальше она только рукой прижимается, которой гранату держишь. А при броске чека вылетает – и пошел отсчет секунд до взрыва. В данном же случае чека вылетела при переключении из руки в руку. И отсчет секунд уже пошел, когда студент, не торопясь, начал замахиваться. Ужаснувшийся подполковник тут же выбил у него гранату, ударив по руке. Она шлепнулась на гребень бруствера и покатила обратно в траншею. До сих пор осталось непонятным, как смогли 11 человек втиснуться в блиндажик, с трудом, впритирочку, вмещавший четверых. Но втиснулись. Причем за считанные секунды. А граната не докатилась. Остановилась, наткнувшись на какой-то комок или камешек, и бабахнула на бруствере.

Но мало того: на том же занятии были еще и стрельбы из пистолета. И тому же Гордееву опять не повезло. У Валерки Аверина вышла осечка. Он, как положено по наставлениям, взвел курок пальцем и щелкнул еще раз. Опять осечка. И третий раз то же самое. Доложил:

– Товарищ подполковник, у меня осечка!

Тот подошел:

– Как осечка?

– А вот так! – показывает. Взводит курок пальцем, оборачивается, наведя дуло прямо в живот преподавателю и нажимает спусковой крючок...

Подполковник при щелчке тут же залег, плюхнулся в грязь. Потом вскочил, отнял у студента пистолет – и уже по инерции, взведя еще раз курок, направил в сторону мишеней. Раздался выстрел... После таких нервных встрясок у Гордеева на руках началась экзема, и он долго приходил на занятия в перчатках.

Доклад

На военной кафедре на втором году обучения наш взвод принял новый преподаватель. Для начала проверил внешний вид и приказал некоторым студентам в обеденный перерыв сходить в ближайшую парикмахерскую. Там собралась очередь из других взводов, и Саша Корятов вернулся с опозданием, занятия уже начались. Стучится робко в аудиторию, заходит и докладывает:

– Можно?... Я постригся...

Наш подполковник стал его поправлять, как правильно докладывать.

– Во-первых, вы должны обратиться ко мне по званию. Ну кто я такой? Генерал? Или, может, ефрейтор?

Тот уставился на подполковничьи погоны, секунду помедлил и брякнул:

– Товарищ майор!..

Когда хохот немножко утих, он все же сумел поправиться и продолжил:

– Товарищ подполковник! Я постригся!

– А кто такой – вы? Почему не называете себя?

– Так вы же знаете, вы сами меня отправляли. И в журнале записано...

– Мало ли, что записано! Положено называть звание и фамилию!

– Товарищ подполковник! Студент Корятов постригся!

– Уже лучше. Но только что значит «постригся»? Разве так докладывают? Я дал вам приказание. Вы его выполнили. И вы должны четко, по-военному, доложить о его выполнении. Ну?

Парень опять задумался, а потом четко, по-военному доложил:

– Товарищ подполковник! Студент Корятов постриг принял!

Глазомер, быстрота...

Однажды дежурным по кафедре был подполковник Иорданов. Ходил он, ходил по коридору, видать, скучно стало. А в углу, в фанерном ящике, стояли два пенных огнетушителя. Подполковник взял один. Посмотрел бирку – когда заправлен и когда проверка проводилась. Что-то там в головке поковырял от нечего делать. И вдруг огнетушитель у него в руках зашипел, ожил и стал пеной плеваться. Он не знает, что делать – сориентировался, направил струю на батарею отопления и кричит:

– Дневальный! Дневальный!

Дневальный-студент услышал, мчится к нему, бухая кирзовыми сапогами. Видит, стоит офицер с огнетушителем и зачем-то батарею поливает. Дневальный с ходу хватается второй огнетушитель, переворачивает, стучает, как положено, шляпкой по полу, становится рядом с Иордановым и тоже направляет струю на батарею...

Рекордсмены

На экзаменах по военной подготовке в каждый билет входило выполнение нормативов: разборка и сборка автомата Калашникова и снаряжение магазина патронами. По второму нормативу абсолютный рекорд всех выпусков нашего института поставил Саша Селин. Он сумел вместо 30 патронов забить в магазин автомата 31. Кто-то подшутил, подкинул ему лишний. Он не заметил, старается, заряжает. А последний патрон вдруг не лезет! Но Саша все силы напруг, каким-то образом сдавил пружину, втиснул, пальцем сверху прижимает и докладывает – выполнил! Хотя палец напряжения не выдержал, патрон вырвался, взвился под потолок, и хлопнулся прямо на преподавателя. Пришлось пересдавать.

А рекорд по разборке АКМ установил Володя Домогацкий. Разобрал за три секунды! Он одним стремительным движением вышиб из приклада пенальчик с принадлежностью, вторым движением одновременно выбил магазин и шомпол, а третьим – изо всех сил шарханул автоматом о стол. Учебные автоматы на кафедре были настолько разболтанными от постоянных сборок-разборок, что при ударе АКМ сам рассыпался на части. Но Домогацкий получил четверку. На балл снизили за то, что части лежали не в установленном порядке.

Ядерные удары и панфиловцы

Принимать государственные экзамены по военке к нам приезжала комиссия из московских академий. Одним из основных предметов была тактика. Специальность у нас была – командир мотострелкового взвода химической разведки, а взвод химразведки часто действует один, в отрыве от основных сил. Задачи были соответствующие. К билету прилагалась карта и условия: где твой взвод, где и какой противник – и вопрос, как будешь действовать.

Хотя некоторые условия задач случались очень уж неординарные. Вот, например, запомнилось: «Вы командир мотострелкового взвода. Занимаете оборону по склону высоты такой-то. На вас движется рота противника с двумя танками. По правому флангу вашего взвода нанесен ядерный удар мощностью 1,5 килотонны. Ваши действия?» Вы, случайно, не знаете, как решить эту задачу? Я до сих пор не знаю, и хорошо, что мне попалась другая.

Но и без ядерных взрывов на экзаменах хватало захватывающих моментов. Один из студентов у нас вообще не врубался в топографию. Карта для него была бессмысленным клочком бумажки, и при разборе решения он «поплыл». Его уже наш преподаватель перед лицом комиссии стал исподволь вытаскивать:

– Вы правильно сказали, что через реку будете переправляться по мосту. Вот и покажите, где этот мост.

Несчастный понял, что терять ему уже нечего. Уставился на преподавателя: может, еще что-нибудь скажет? А сам, не глядя на карту, наугад ткнул пальцем:

– Вот! – и ведь попал именно куда нужно.

А у другого парня на тактике был «пунктик». Он в любых случаях уходил в глухую оборону. Допустим, по условиям задачи движется он взводной колонной на БМП, откуда-то из леса его начинает обстреливать одинокий пулеметчик. Или где-то мелькнула группа пехоты противника. Решение у него было всегда одно: «Занимаю круговую оборону и держусь до последнего патрона». Наш-то подполковник его особенность знал. Чтобы не осрамился на госэкзамене, подкинул ему соответствующую задачу. С одной стороны на его разнесчастный взвод прет две роты пехоты, с другой – вражеские танки, артиллерия обстреливает, авиация бомбит. В общем – ад кромешный! Но студент подумал-подумал и вдруг выдал решение: «Вперед!» Преподаватель так и сник. Но член госкомиссии, пожилой полковник с многочисленными наградными планками, неожиданно похвалил: «Что ж, опыт Великой Отечественной войны показывает, что иногда подобные действия имели успех...»

Подобную пенку, с «опытом Великой Отечественной», отколол и Валерка Косовский. В задаче его взвод был атакован танковым батальоном ФРГ. Изобразив сосредоточенность на лице, Валера стал докладывать бодрым и уверенным голосом: «Я считаю, что мой взвод в состоянии выполнить поставленную задачу, уничтожить противника и...»

– Молодой человек, – оборвал его удивленный член комиссии, – У вас сколько людей во взводе?

– Двадцать семь.

– А сколько танков в батальоне ФРГ?

Этого Валера не знал и принялся гадать:

– Тридцать?

– Больше.

– Сорок?

– Больше.

– Пятьдесят?

– Почти. Пятьдесят четыре. Так как же ваши двадцать семь человек их уничтожат?

Но Валера, ни секунды ни задумываясь, брякнул:
– А панфиловцы?!
На это у его оппонента никаких аргументов не нашлось.

На «точках»

Гарнизоны бывают разные – большие и малые, благоустроенные и «дыры». А были еще и «точки». Совсем крохотные гарнизончики, заброшенные в глубины лесов или степей. Например, у нас, в авиации, «точки» обслуживали разную аппаратуру слежения и контроля. Попасты туда можно было только рейсовым вертолетом либо машиной – после нескольких часов трудной и изнуряющей езды. Кучка домов, обнесенных забором, а во все стороны – степь да степь кругом. Тут было все вместе – и служба, и быт. Несколько десятков солдат и офицеры двух сортов. Или молодежь, попавшая сюда после училища и мечтающая выбраться, или «штрафники» с полным набором дисциплинарных взысканий и сосланные в качестве наказания.

Школы на «точках» были только начальные. Одна учительница из офицерских жен преподавала в одной комнате группе детишек из разных классов. Детей постарше не было. Их отцы уже успевали перевестись в более крупный гарнизон. Либо матери не выдерживали – уезжали. Ну а «штрафники» чаще бывали уже основательно спившимися и разведенными. Детского сада не требовалось – ведь работать женам офицеров было почти негде. Одна в школе, одна продавщицей в магазинчике с пустующими прилавками. А дети все равно были на виду, на одном пятачке между тем же магазинчиком, штабом, казармой и жилыми домами.

Все развлечения исчерпывались охотой и рыбалкой – если в доступном радиусе есть речка. Чтобы телевизоры принимали хоть какую-нибудь станцию, местные умельцы изобретали самые причудливые антенны. Например, из нескольких решеток арматуры, сваренных вместе наподобие локатора. В общем, жизнь там была особенной, и служба тоже. Однажды в ходе испытаний приехали на одну из «точек». Питаться там негде, кроме солдатской столовой, а для этого нужно у начфина аттестаты подписать. Долго ждали его в здании штаба, но он и к полудню не появился. Дневальный подсказал: «Да вы домой к нему зайдите». Зашли, это в соседнем здании. Дверь открыта. По полу россыпь бутылок, а на кровати начфин в форме. Старший лейтенант, хотя возраста солидного, совсем седой. Едва растолкали и едва объяснили, чтоб аттестаты подписал. Он мычит: «Пр-приехали на м-машине?» – «Да, на машине». – «Хор-ршо... на охоту поедем... на с-сайгаков». Говорим: ни на какую охоту мы с тобой не поедем. «Ах, так? Тогда не п-подпишу...» Ругались до тех пор, пока до него не дошло – если не подпишет, не отвяжемся и спать не дадим. Но это было для «точек» обычное дело. А случилось и необычное.

Как-то раз на одну из дальних «точек» прислали солдата-казаха. Причем оказалось, что у него родные живут недалеко (по местным меркам). Он и попросился у командира в увольнение. А тот растерялся. Сколько лет там служил – никому увольнений не требовалось. Куда там пойдешь-то? Но просьба казаха была вполне законной. Командир открыл Устав, что там про увольнение написано. На «точке» даже бланков увольнительных записок не было, запросили привезти очередным вертолетом. Кроме того, в Уставе значилось, что увольняемых положено инструктировать, и в дни увольнений назначать патрули – чтобы проверять увольнительные записки и правила поведения.

Казаха проинструктировали все имевшиеся начальники от командира отделения и выше. И специально ради его увольнения был назначен патруль из трех человек во главе с сержантом. Ну и пошагал солдатик к своим родичам. Но патрулю, видать, наскучило ждать бойца для проверки увольнительной. Он следом в степь подался. А под вечер казахи привезли на лошадях патрульных, напоенных в стельку. На лошади приехал и их родич – трезвый, по форме одетый и четко доложивший о прибытии из увольнения. После этого никаких патрулей больше не назначали и увольнительных казаху не выписывали – так отпускали.

Солдаты из подземелья

Были в армии и такие глухие места, где жили и несли службу всего по несколько человек. Однажды командующий Северо-Кавказским военным округом на вертолете облетал несколько дальних гарнизонов, и выразил вдруг желание осмотреть такой пункт. Глянули по карте, где он должен быть, нашли нужные посадочные знаки. Приземлились, командующий вышел с порученцами и смотрят вокруг – туда ли попали? Рядом несколько бугров и больше ничего. И вдруг откуда-то из-под земли полезли люди. Грязные, обросшие бородами, полуголые. Один спрашивает: «Что, воду привезли?» А когда услышал, что нет, оборванцы разочаровались и полезли обратно. Как выяснилось, это были солдаты. Настолько одичали, что даже на генеральские погоны перестали обращать внимание.

«Тонким слоем...»

На одной из дальних «точек» стало известно, что к ним приезжает важная комиссия – будет проверять техническое состояние аппаратуры, ее содержание и обслуживание. Командир собрал подчиненных и приказал:

– Все срочно привести в порядок! Отладить, провести регламентные работы, почистить. Выписать спирт – и чтобы на этот раз ни капли на сторону не ушло! Все, сколько положено, только на аппаратуру!

Подчиненные козырнули – «есть», засуетились, все в срок подготовили и протерли. Приезжает комиссия. Предлагает посмотреть, как их оборудование действует. Включают – и вдруг телеметрические станции выходят из строя. Все сразу! Одним махом! Командир стоит, глазами хлопает и руками разводит – ведь никогда такого не бывало! А тут, при комиссии – и на тебе! Но в комиссии были и специалисты соответствующие. Что ж, говорят, давайте разберемся. Пошли по станциям, вместе с обслуживающим персоналом копаются, расспрашивают:

– Значит, говорите, регламентные работы перед этим проводили? А что конкретно делали? Эти клеммы чем протирали, спиртом? А эти платы тоже спиртом протирали? Чистым?

– Ну конечно!

– Вот теперь все ясно...

Тут-то и выяснилось, что некоторые платы чистого спирта категорически не переносят. Его нужно разбавлять в довольно слабенькой пропорции. А заодно выяснилось, что обслуживающий персонал о подобной тонкости абсолютно не знал. Потому что спирт до аппаратуры не доходил никогда. Никакой. Ни чистый, ни разбавленный.

Таинственный отец

Мой сослуживец Сергей Надтока в пору лейтенантской молодости попал служить на «точку» в приволжских степях. Он уже женат был, приехал с семьей. Привезли и свою кошку. Животное быстро стало всеобщей любимицей. Мирок на «точке» замкнутый, жизнь однообразная. Даже телевизор только одну программу с грехом пополам показывает. Так что за кошачьими похождениями понаблюдать – и то развлечение. Устроит какую-нибудь шалость – для всех потеха, свежая тема для разговоров. Гуляет киска, лазит там и тут... Но вдруг обитатели «точки» начинают замечать, будто у нее животик начал расти. Причем по местным меркам это стало настоящей сенсацией. Потому что ни одного представителя кошачьего племени, кроме нее, там не было! А до ближайшего населенного пункта, где мог обитать какой-нибудь котьяра, насчитывалось километров 150.

Сперва засомневались. Спорили, действительно ли киска непраздной стала? Может, глисты? Или обожралась чего-то? Но факты – упрямая штука. Даже необъяснимые. Вскоре стало однозначно ясно – ждет приплода! Сами понимаете, такое открытие только усугубило интригу. В монотонном однообразии «точечной» жизни тайна кошкиной беременности надолго стала центром общего внимания.

Гипотезы возникали самые разнообразные. Одни по штабным картам высчитывали расстояния до ближайших населенных пунктов. Прикидывали максимальную скорость кошачьего бега и вычисляли, за какое время она могла бы туда и обратно смотаться. Но другие припоминали, что она каждый день на виду вертелась. Да и вообще указывали, что для расстояния в 300 километров максимальную кошачью скорость брать нельзя. А с поправками на усталость концы с концами и подавно не сходились. Появлялись и версии совершенно мудреные. С предположениями, что у кошек существует какая-то связь на расстоянии. Вдруг кавалер бежал ей навстречу? Тогда каждый преодолел лишь половину дистанции...

Потом стали вспоминать, что где-то в предполагаемый период поблизости кочевали казахи со своими отарами. Однако нашлись свидетели, которые определенно уверяли – у казахов котов не было. Только лошади, овцы и собаки. Когда прозвучали упоминания о собаках, все стали на кискин живот с еще большим интересом поглядывать – уж не получится ли там какой-нибудь неведомый гибрид? Но один солдат оказался студентом, отчисленным с третьего курса биологического факультета. Он вполне научно доказал, что подобные гибриды невозможны. После его разъяснений пришлось признать, что собаки тут ни при чем. Как и кони, бараны, сайгаки, тушканчики, суслики, змеи, налимь... В таком случае осталось только развести руками и ждать, когда тайна разрешится сама собой...

Ждали с напряженнейшим нетерпением. И дождались. Родились у всеобщей любимицы, конечно же, не щенята и не ягнята, а самые что ни на есть котята. Но только очень крупные. И с кисточками на ушах. А вскоре и папаша пожаловал – видать, роженицу и свое потомство проведать. Смотрят – в кустах за помойкой, в самом дальнем углу двора сидит здоровенный камышовый кот. Так он и начал приходить в гости – к людям не приближается, перескочит через забор и ждет, когда подруга со всем выводком к нему прибежит. По-своему пообщаются, понюхаются, помурлычат и расходятся каждый в свою сторону – она к себе, он к себе.

Желающих заполучить этих котят было много – почти все офицеры и прапорщики. Пришлось на бумажках по жребью разыгрывать – уж больно красивые котята. Расцветку домашней кошки сохранили, но большие, сильные и с кисточками. Однако никому стать их хозяевами не обломилось. Котята по характеру получились в папочку – злые и дикие, никому в руки не давались. А когда подросли, то так и ушли вслед за отцом в речные заросли.

Когда жениться?

Армейским политработникам до всего было дело. Они же отвечали за воспитание, за морально-политический облик личного состава. Поэтому полагали, что обязаны влезать в любые вопросы – и в служебные, и личную жизнь контролировать, регулировать, наставлять. Как-то в штабе группа молодых офицеров шла по своим делам, а навстречу замполит. Увидел их, и ни с того ни с сего привязался к старшему лейтенанту Яновичу:

– Слушай, Янович, что ты до сих пор холостяком ходишь? Так не годится! Когда женишься, а?

А тот посмотрел на часы, головой покачал и серьезно отвечает:

– Знаете, товарищ полковник, сегодня, наверное, уже не успею. Разве что завтра...

Замполит опешил, рот открыл – а что сказать, не находит.

Стенгазета

Однажды в соседнем подразделении вывесили новогоднюю стенгазету. Понятное дело, вокруг нее собрался народ. Стоят, смеются, разглядывая карикатуры – там было несколько хороших художников, они неплохо рисовали. А мимо замполит шел. Услышал смех – и тоже туда. Толпа, конечно, расступилась, пропустила его вперед. Он посмотрел, почитал, потом обернулся, строго глянул на ржущих и спросил:

– Я не понимаю, а что здесь смешного? Хороший, здоровый юмор!

Четкий замер

Как-то наш замполит забежал в комнату дежурного, чтобы оттуда позвонить. Набрал номер, соединился с нужным ему человеком и орет в трубку:

Слушай, у тебя гвозди есть?

– На другом конце провода спрашивают – какие? Он прикинул и показывает, разведя пальцы:

– Ну примерно вот такие!

Поздравление

В день 8 Марта нашему замполиту кто-то позвонил.

– Товарищ полковник, разрешите поздравить с праздником!

Он расплылся от удовольствия:

– Спасибо, конечно, только я же все-таки не женщина...

– Не знаю, женщина или нет, но б... порядочная!

Тот аж подавился. Заорал:

– Это кто говорит?

А ему:

– Все говорят! – и повесили трубку.

Но конец этой истории был вообще загадочным. Конечно, сам замполит не рассказывал о ней. Да и неизвестный собеседник не стал бы рисковать, болтать о своей шуточке. Но о ней откуда-то узнала вся часть.

Одуванчики

Как-то раз на Чкаловском аэродроме встречали космонавтов. Как обычно бывало для таких случаев, от разных частей гарнизона выделили партии офицеров. Построили нас на летном поле. Стоим, ждем, когда самолет из Байконура приземлится. Кто-то раскатывает ковровую дорожку. Прибыли телевизионщики, разворачивают свою аппаратуру, чтобы показать в программе «Время», как космонавты будут идти по этой дорожке и рапортовать: «Товарищ председатель Государственной Комиссии!..» Бригада приезжала одна и та же, она уже прекрасно знала, с каких точек и ракурсов надо снимать – чтобы от председателя Госкомиссии попала в кадр только рука, поднесенная к козырьку, без лица и погона со званием.

Но пока ждали самолет, кто-то из командования обратил вдруг внимание, что по всей траве аэродрома густо желтеют одуванчики. Уж не знаю, почему, но это не понравилось. Пролетела команда, и глядим, через несколько минут от казарм показались солдаты. Одни маршировали, других на грузовиках примчали. Развернули цепью и пустили по аэродрому для прочесывания. Ох и зрелище было! Идут цепью солдаты от края до края огромного летного поля – и собирают в букеты цветочки. Вскоре у каждого охалка набралась. Будто целый батальон по девочкам собрался. Или сцена из оперетты, и сейчас они, построившись длинной шеренгой с букетами, начнут канканчик отплясывать... Зато через полчаса, когда самолет подрулил к ковровой дорожке и телевизионщики снимали рапорт космонавтов, фон у них был равномерного зеленого цвета. Без единого желтого пятнышка!

Офицерская смекалка

Мой товарищ Володя Мареха был сугубо штатским человеком. Окончил электротехнический институт, работал инженером. И вдруг его, как офицера запаса, призвали на два года. Вернулся старлеем, бравым, подтянутым. Встретились с ним, расспрашиваем:

– Ну и как служилось?

– Отлично. Командовал взводом в войсках связи. Солдаты полюбили, уважали. А в аппаратуре неужели я не разберусь?

Но мы-то знали, что у Володи всегда были проблемы с физкультурой. Смеемся:

– Ты же пять раз подтянуться не можешь. Как же ты со своими бойцами занятия по физподготовке проводил?

Он жмет плечами:

– Элементарно. Строю взвод. Первым выхожу к перекладине. Говорю: «Внимание – я показываю». Подтягиваюсь один раз – медленно, с расстановкой. Потом спрашиваю: «Все видели? Все поняли?» Отвечают: «Так точно!» Командую: «И вот так – пятнадцать раз. Приступайте!»

Не рой другому яму!

Некоторые испытания авиационной техники проходили на заводских базах, и бригаду наших специалистов отправили в другой город. После первого этапа работ большинство вернулось, а один офицер остался, участвовал в подготовке к следующему этапу. Но у него были враги. Настучали, что он там не просыхает, удобными подругами обзавелся. Эти работы курировал заместитель командира части полковник Федосеев, и он решил лично нагрять, заставить виновного врасплох.

Однако у офицера, попавшего «под колпак», имелись и друзья, вовремя предупредили. Он успел удалить из гостиничного номера пустую стеклотару и забытые предметы дамских туалетов. Поздно вечером, не известив его, приезжает Федосеев, входит к нему прямо в номер – и видит умильную картину. Командировочный сидит за столом. Трезвый, опрятный, сосредоточенный. Конспектирует труды Владимира Ильича Ленина! В общем, донос дал совершенно обратный эффект. В глазах заместителя командира офицер в один миг приобрел самую блестящую репутацию. Его начали всем в пример ставить, и благодаря стукачу парень в гору пошел. Хотя у него были и откровенные «залеты». Но другие за такие же вещи взыскания получали, а ему теперь все с рук сходило – списывали на «случайность». Разве может быть иначе, если он – образцовый?

Стройбаты

Стройбаты – это было особое явление, особый мир. Призывали в них таджиков, узбеков, киргизов, кавказцев. В общем, как сейчас гастарбайтеры на стройках копошатся, так раньше – стройбатовцы. Качество работы было аналогичным. Но гастеры ради заработка трудятся, а стройбатовцы трудились, чтобы отбыть два года службы. Поэтому при малейшей возможности предпочитали косить. А самым популярным методом увильнуть от выполнения той или иной задачи выставляли плохое знание русского языка. Бойцу объясняют, куда нужно пойти и что сделать, а он заявляет: «Нэ понымай!» Или будет кивать, соглашаться. А потом урулит куда-то совсем в другую сторону, и на вопрос, почему ничего не сделал, разведет руками: «Нэ панымай!»

В один из стройбатов попал солдат-немец по имени Адольф. Советский немец. Уж почему его призвали в стройбат, непонятно. Но прораб был готов на него молиться. Поставил его наподобие надсмотрщика. Адольф летом ходил в замызганной пилотке без звездочки, бриджах с подтяжками на голое тело, сандалиях на босу ногу, а на руке постоянно носил кусок шланга на петле, вместо дубинки. Приезжает прораб на стройплощадку, а вокруг пусто, бойцы расплзлись кто куда, по котлованам, кустам, на этажах отдыхают. Кричит: «Адольф!» Тот выплывает в своем живописном виде, молча идет со шлангом по стройке, и военные строители вылетают из своих углов, как ошпаренные, работа всю закипает.

Заработки стройбатовцев тоже интересовали, но достигались они другим способом. Когда в гарнизоне возводилось здание, бойцы начинали ходить по соседним домам. Звонили в квартиры, спрашивали, не нужно ли чего? Могли что угодно притащить: кирпичи, цемент, кафельную плитку, электрику, ванну. Их прапорщики выступали более солидными коммерсантами. Можно было подойти к любому с целым списком необходимых тебе материалов, оборудования, инструментов. Он и цену назовет, и солдат кликнет, чтобы на место доставили. Удобно. Тем более, в советское время все это было дефицитом. Побегай по магазинам, поищи!

Но из-за этой специфики стройбаты всегда работали «в долг» перед будущим. Чтобы сдать под ключ то или иное здание, им приходилось вместо разворванной сантехники, электрики, стекол, кафеля, привозить другие – предназначенные для какого-то будущего объекта. А для него брали с третьего. «Долг» перед грядущими временами из года в год возрастал, и строительные части просто не могли существовать без большого числа объектов. Одни готовятся к сдаче, другие строятся, третьи только закладываются. А для командиров и прорабов главное было – отслеживать, когда подходят сроки закрытия нарядов. Посмотришь – на стройке в течение нескольких месяцев еле-еле возятся три или четыре уроженца солнечной Средней Азии. А потом вдруг с других объектов нагоняют массу техники, солдат, идут вереницами машины со стройматериалами, и работа бурлит в круглосуточном режиме. Это значит, что приближается закрытие нарядов. Разумеется, оставалась масса недоделок, но такое считалось в порядке вещей.

У нас на территории части тоже шло большое строительство. Меня включили в состав комиссии по приемке, и с особенностями стройбатов мы освоились. Спокойно подписывали акты о «приемке с недоделками» и всегда были уверены – отмеченные проколы прораб обязательно устранил. Конечно, не из джентльменской честности. Но в конце следующего квартала он опять к нам прибежит, захочет закрывать очередные наряды. А если обманет один раз, ему не подпишут в другой.

Однако в сдачах объектов обозначился долгий перерыв. Стимул «джентльменских договоренностей» ослабел, и наше начальство приказало членам комиссии – в этот раз никаких недоделок не принимать. Прораб появился 31 декабря, в канун Нового года. Возник с

самого утра, вытащил нас прямо с торжественного собрания. У всех Новый год, а ему как раз приперло – конец года. Пошли посмотреть и обнаружили: на построенной ими стоянке для автомашин не заасфальтированы въезды и отмокотки. Прораб и клялся, и божился, убеждая нас, что все исправит чуть ли не завтра. Ругал наше упрямство, выплескивая все ему известные пословицы, поговорки и идиоматические выражения. Логически доказывал, насколько это глупо. Но ведь у нас был приказ. Поддаться на его уговоры мы никак не могли, а логика против приказов бессильна.

И все же не нам было с ним тягаться в хитрости. Совершенно неожиданно он сдался. Спрашивает: «Ну хорошо. А когда заасфальтируем – вы подпишете?» – «Конечно, подпишем». – «Тогда так и напишите это вот тут на бумаге! И распишитесь». Почему не написать? Составили «расписку»: как только асфальт будет уложен, члены комиссии обещают поставить в акте приемки свои подписи. . .

Проходит всего-то пара часов. Мы на обед пошли, сидим в столовой, и туда врывается прораб. Дескать, айда за мной, все готово. Мы ему, конечно, не поверили. Но надели шинели, зашагали. Приходим на объект, и снова не верим. Теперь – своим глазам. Действительно, все готово! Одна за другой подкатывают машины с асфальтом, в поте лица трудится целая рота стройбатовцев, фырчит каток, разравнивая покрытие. Ну а прораб нам расписку предъявляет – все, вы обещали! Что ж, мы развели руками и подписали акт. А потом оказалось, что асфальт был уложен прямо на снег.

Экзотическое блюдо

В Калмыкии как-то случился массовый падеж скота. Но нашлись деятели, решившие, что издохшую живность еще можно использовать – скормить ее военным. В тот год в офицерских столовых Северо-Кавказского военного округа появилось новое блюдо – «баранина холодного убоя». Она стоила раза в полтора дешевле, чем нормальное мясо, но воняла так, что экономить рисковали очень немногие.

Загадки русской души

Как-то в начале 1980-х мы с друзьями отправились в отпуск побродить по тверским лесам. Когда я вернулся, видок был еще тот: двухнедельная щетина, ватник, провонявший запахами костров, грязные кирзовые сапоги, старый рюкзак, закопченное ведро. Еду в метро, а рядом трое иностранцев. Пытаются по-английски выяснить, как им проехать на нужную станцию. К одному пассажиру тычутся, к другому – никто их не понимает. А сами они по-русски ни бум-бум. Жестами пробуют изобразить, в схемку путеводителя указывают – ничего не получается. Ко мне они, естественно не обращались: чем им поможет небритый и грязный мужик, то ли колхозник, то ли зэк отсидевший? Ну а я служил в «режимной» части, контакты с иностранцами у нас не приветствовались, поэтому тоже помалкивал.

Но все же жалко их стало. Перед тем, как мне выходить, говорю им: «Зе некст стейшн такая-то, объясняю по-английски, что им надо будет проехать еще две остановки и перейти на другую линию. Они обрадовались невесть как, что нашелся человек, способный их понять! Лопочут «сэнкью, сэнкью», зачем-то переспрашивают: «Ду ю спик инглиш?» Но я развивать знакомство не стал, говорю: «Ноу!» Иностранцы аж обалдели от такого ответа, глазами хлопают, а я вышел из вагона. Что уж они подумали о странном мужике и загадках «русской души», не знаю.

Язык мой – враг мой

Однажды среди бела дня тяжелая авиационная ракета внезапно врезала по городу Гурьеву. Снесла на окраине два старых барака. Правда, почти все обитатели в момент попадания были на работе, а дети в школе. Но были и пострадавшие. После расследования уволили летчиков, осуществивших злополучный пуск. Как же это случилось?

На соседнем полигоне испытывали самонаводящуюся ракету, предназначенную для уничтожения радиолокационных станций. Разумеется, все близлежащие радары получили запрет на работу. Однако сотрудники Гурьевской станции оказались чересчур любопытными, и захотелось им подсмотреть, чем же это таким секретным военная авиация занимается? Что же такое происходит в воздухе, если им следить запрещают? Врубилась она как раз в тот момент, когда ракета пошла на имитатор цели. Сигнал от мощной реальной станции оказался сильнее имитатора, и она тут же перенацелилась на Гурьев. Увидев на экранах объект, несущийся точно на них, операторы локатора смекнули, что нажили себе крупные проблемы. Но смекнули-то поздно, ракета уже «взяла» их в качестве цели. Вообще-то можно было просто разбежаться, оставив аппаратуру включенной, тогда разнесло бы только локатор. Однако перепуганные операторы выключили станцию. Ракета потеряла сигнал и в последний момент немного отклонилась...

В общем-то, авиаторы были совершенно не виноваты. За что же тогда командира экипажа со штурманом спровадили в отставку? При расследовании, как водится, занялись «черными ящиками». Прокрутили переговоры экипажа и услышали, что после пуска штурман озадаченно доложил:

– Командир! Ракета-то на Гурьев пошла...

А тот, чуть подумав, ответил:

– Да и хрен с ним, с Гурьевым!

Вопрос психологии

На истребителе МиГ-25 была установлена новейшая по тем временам автоматизированная система жизнеобеспечения. Если возникают какие-то неполадки в работе техники, включается автомат и начинает просто диктовать летчику его дальнейшие действия. При этом использовали опыт американцев. Их психологи доказали, что пилот быстрее всего обратит повышенное внимание на молодой женский голос, внезапно раздающийся в наушниках. В советском самолете аварийные команды тоже записали женским голосом.

А на испытания приехал заслуженный генерал, командующий авиацией ПВО. Он был пилотом очень опытным, боевым, облетал множество типов машин. Увидел, какой великолепный истребитель, и решил тоже попробовать. Но инструкций он, естественно, не читал. Считал, то при такой квалификации, ему это не нужно. Оглянул и расспросил по-быстрому, где какие приборы и системы управления, – и на взлет. А в воздухе в самолете проявилась неисправность. Прозвучал красивый девичий голос, подсказывающий, что надо делать. Однако психология у генерала очень отличалась от американских летчиков. Он крайне возмутился и рявкнул:

– Это что еще за б... мною командует?

Голос продолжал звучать. Давал указания, все более тревожные. Советский ас уже понял, ситуация нештатная. Но он думал, что разговаривает с землей! Требовал от «собеседницы»:

– А ну дай микрофон кому-нибудь посерьезнее!

Злился, крыл неведомую особу, что не выполняет его приказ. Но следовать советам «девочки» генерал не собирался. Даже когда «она» стала повторять: «Немедленно катапультируйтесь!» – все равно упрямо не подчинился. Так и погиб из-за глупого недоразумения.

На параде

Однажды на День авиации был на Чкаловской парад. Как обычно, построились по «коробкам», начальник гарнизона поздравил. Вышли на исходную позицию, оркестр заиграл «Мы рождены, чтоб сказку сделать былью...» – и зашагали. Когда приблизились к трибунам, специально выделенный человек сигнал выкрикнул, чтобы всем разом перейти на парадный шаг. Но видим, в той «коробке», которая маршировала впереди нас, что-то смешалось. Какая-то непонятная кутерьма. Она быстро успокоилась, но задние шеренги стали сбиваться и спотыкаться.

Потом узнали причину. Когда по сигналу парадным шагом «вдарили», у Паши Литвинова плохо завязанный ботинок с ноги слетел. Ну и что делать? Это ведь уже напротив трибун. Всем строем равнение направо приняли, локтем к локтю слились воедино и усиленно по асфальту «рубят». Не полезешь же из строя подбирать и напяливать! Паша так и зашагал дальше в одном ботинке и носке.

Но слетевший предмет обуви попал под ноги тем, кто сзади шел. Ведь возле трибун вниз уже не смотришь – голова при равнении повернута, чтобы «видеть грудь четвертого человека в шеренге». Вот и заспотыкались. Только в следующей «коробке» офицеры заметили посторонний предмет, и кто-то ухитрился эдак ловко, одновременно с шагом, отфутболить его подальше в сторону.

Ну а Паше потом пришлось в одном ботинке и в носке обратно к трибуне скакать и отыскивать. Но не сразу. А после того, как строй отвели метров на сто, остановили и распустили. И после того, как он выслушал от начальства все, что они думают о людях, теряющих в парадном строю ботинки и марширующих в носках.

В едином строю

Был как-то случай: на 23 февраля объявили торжественное построение всех частей гарнизона. Тысячи солдат, офицеров при полном параде, ветер знамени колышет, оркестр готовит инструменты. Снежок блестит, небо голубое, словом картина – хоть в кино снимай. Выстроили всех в виде огромной буквы «П», чтобы такая масса оказалась в пределах генеральской видимости и слышимости. А там, где начальство будет стоять, постелили коврик, принесли стойки с микрофонами. Стоит, ждем это начальство – и свое, гарнизонное, и кто-то еще выше, из Москвы приехал. Но едва на горизонте показалась группа в папахах, как в блестящую обстановку воинского праздника влез вдруг без спросу бродячий пес. Большая рыжая дворняга обшарпанной наружности.

Их у нас много обитало, на помойках возле столовых кормилось. Солдаты некоторым одну и ту же кличку давали – «Дембель». Ну а в этот торжественный день гарнизон опустел. Видать, собаченции стало скучно, решила людей поискать. И так уже обрадовалась, что нашла! Да еще такую большую и веселую компанию – крики, команды. Развлекуха, лучше и не придумаешь! Конечно, псине тоже захотелось в общем празднике поучаствовать. Вылез он как раз на командирское место. Задрал лапу возле микрофонных стоек, оросив их для порядка. После чего уселся прямо на пустующий генеральский коврик и давай чесаться, блох гонять. Как нетрудно понять, торжественное настроение присутствующих сразу сменилось непринужденным оживлением. А в центре общего внимания оказалось отнюдь не приближающееся начальство.

Из штаба для наведения порядка выслали молоденького лейтенантика. Он тушует – что делать? Перед всем строем прыгать, орать и руками махать? Цыкнул исподтишка на животное: «Кыш! Пшел вон!» Ну а пес-то что, он не возражает. Его просят подвинуться – он отошел на два метра и продолжает чухаться. Тот опять: «Кыш, кыш!» Лейтенантик хотел снежком бросить, но стоял морозец, снег не лепился. В сторону собаки только крошки полетели. А пес обрадовался пуще прежнего. Решил, что с ним играют. Еще чуть-чуть отойдет и хвостом виляет – ждет, когда лейтенант опять к нему с «кыш-кышем» побежит. Весь строй уже катается, наблюдая за эдакой корридой. Наконец, удалось штабнику отеснить собаку куда-то за строй. Точнее, за собой ее отманить.

Это оказалось вовремя, как раз генералы подошли. Но прозвучало: «Здравствуйте, товарищи!», тысячи глоток грянули обычное «гав-гав-гав-гав!» – и псина выскочил, с энтузиазмом присоединился к общему хору. Лает и на людей оглядывается – дескать, а вы-то чего перестали? Ну а когда заиграл оркестр, и началось прохождение торжественным маршем, он вообще разошелся. Снова вылез на первый план и принялся во всю глотку оркестру подпевать на две мелодии. То лаем залывается, то протяжно подвывает. А насколько торжественным получилось прохождение, можете догадаться сами. Когда все солдаты и офицеры в парадных «коробках» со смеху киснут, тут, знаете, уже не до равнения и не до выправки...

Дембель

Ехали мы как-то в поезде «Москва – Баку». А в соседнем купе ехал дембель. Азербайджанец из стройбата. Патрули на московских вокзалах были тогда уж какими свирепыми! Дембелей сажать на губу уже не полагалось, но все равно могли зацепить, отвести в комендатуру, заставить там помаршировать или плац подметать. Поэтому наш сосед сел в вагон в более-менее уставном виде. Только каблуки у сапог были такой высоты, что впору разве что для топ-модели. Но поезд шел до Баку три дня, и по ходу движения солдатик начал преобразаться.

Едва от Москвы отъехали, как мундир он на себя напялил уже другой. С отложным воротником, подкладкой из ярко-желтого бархата, а на рукавах нашиты золотые шевроны гражданского воздушного флота. А на сапогах появились здоровенные золотистые кисти, как на знаменах. Они, видимо, и были сделаны для пионерских или комсомольских знамен. По две кисти на каждом сапоге. На второй день путешествия стройбатовец познакомился с матросиком из другого вагона, выменял у него на электробритву тельняшку. Она составила незабываемое сочетание с желтым отложным воротником.

А когда мы его увидели на бакинском перроне, впечатление стало полным. К мундиру добавилась парадная офицерская фуражка ВВС синего цвета. Между мундиром и кистями на сапогах ласкали глаз офицерские бриджи цвета «морской волны». А вся грудь была покрыта плотным слоем значков. Одних только комсомольских висело в ряд штук пять, с ними штуки три «Москва – город-герой», спортивные, туристические, сувенирные и любые другие, какие можно было закупить в киосках. В целом смахивало, что в Баку прибыл какой-нибудь латиноамериканский диктатор. Но здешние патрули были настроены куда лояльнее, чем в Москве, и к подобным зрелищам привыкли. Знали, что дембеля еще и не так рядятся – если, конечно, деньги есть.

Граната

Как-то летом были мы в командировке в Закавказском пограничном округе. Ездили по заставам, встречали везде, как лучших друзей. В глуши, в горах, свежий русский человек приехал – уже праздник. А в Гадрутском отряде на одной из застав Валера Косовский среди солдат земляков встретил. Болтали с ним все свободное время, а на прощание подарок ему сделали. Просто так, от души. Ну а что там можно подарить, что вообще у солдат есть? Вручили ему учебную гранату. Без взрывателя, просто чугунная осколочная рубашка от Ф-1, ее для тренировок по метанию использовали. Уж не знаю, зачем Валере «фенька» понадобилась. Может, в качестве сувенира, на полочку поставить. Вид-то внушительный, как «настоящая». А может, обижать земляков не хотел. Сунул к себе в сумку.

Из Гадрута мы поздно ночью поездом в Баку поехали, домой возвращаться. Что такое азербайджанский поезд в те времена – особый разговор. Переполненные вагоны, духотища, вонища, шум, гам, на каждом полустанке кто-то вылезет с узлами и мешками, кто-то влезет, протискивается. Спать не пришлось. В Баку еще на море успели сходить окунуться, и в аэропорт. В ожидании самолета некоторые прямо на вещах уснули. Другие, у кого еще силы оставались, зарулили в бар. Взяли бутылку коньяка. Но только по чуть-чуть попробовали – посадку объявили. Косовский почти полную бутылку пластмассовой пробочкой закрыл и с собой взял.

На посадочном контроле тогда еще аппаратуры было мало. Ручную кладь вручную и перетряхивали. К двум сотрудницам аэропорта, шарящим по портфелям и саквояжам, выстроилась очередь. А когда одна из них, азербайджанка, открыла сумку Косовского, то сразу кинулась на коньячную бутылку: «Эта нилзя! Гаручий жидкость!» Валерка попытался бутылку отнять. Зашумел, что он лучше эту бутылку сейчас из горла оприходует. Азербайджанка не давала и возражала: «Нет! Пьяный в самалот нилзя!» Он спорил, служительница не уступала. Сзади народ в очереди напирал. Мы уже и сами на Валерку заорали, чтоб не выдрючивался. Наконец он сдался, и женщина, убирая трофей, поспешила пропихнуть его на посадку.

Как потом выяснилось, эта бутылка спасла нас всех. Спасла от очень и очень крутых неприятностей. Прилетели в Москву, решили пивка попить. Что-то начали искать, Косовский вывернул содержимое своей сумки – и нам аж плохо стало. На стол, брякнув чугунной тяжестью, выкатилась граната. Та самая, о которой и он забыл, и все забыли. Сразу представилось, что с нами было бы, если б такую штуку обнаружили при попытке пронести в самолет! Как раз незадолго до этого нашумело несколько историй с угонами советских самолетов в Турцию, еще куда-то. А тут Баку, граница рядом. Достань в воздухе гранату и диктуй условия! Азербайджанские правоохранительные органы деликатностью отнюдь не отличались. Даже если со временем разобрались бы в недоразумении, мало нам не показалось бы. Но азербайджанка, увлекшись бутылкой, дальше в сумку не полезла и гранату не заметила.

Соратница Чкалова

В штабе нашего соединения была одна весьма экзотическая достопримечательность – парикмахерская. Точнее, достопримечательностью была парикмахерша. Очень старая, полуглухая и знаменитая тем, что стригла еще Чкалова. Ее инструменты, видимо, тоже не обновлялись со времен Чкалова. Были совершенно тупыми, изношенными и зазубренными. Ко всему прочему, дама была с изрядным прибабахом. Стригла всех очень больно, драла и щипала несусветно. Сесть к ней в кресло было по ощущениям равнозначно тому, чтобы сесть в кресло стоматолога. Но она еще и стригла всех только одним фасоном, под «полу-бокс». Затылок голый, а спереди с чубчиком. Ну, знаете, как выглядят советские военные на фотографиях 30-х годов?

Но самое страшное начиналось, если клиент не выдерживал, морщился и дергался от боли. Или – еще хуже! – указывал, каким образом его стричь. В таких случаях парикмахерша приходила в ярость. Возмущенным дребезжащим голосом орала:

– А ты мне не указывай! Я самого Чкалова стригла!

И набрасывалась так, что прошлые страдания оказывались лишь преддверием настоящих мучений... Эта парикмахерская считалась служебной и была совершенно бесплатной. Но даже учитывая материальный фактор, туда ходили посетители только двух сортов. Во-первых, «штрафники», явившиеся на построение в обросшем виде и получившие выволочку с приказом немедленно постричься. Для них процедура получалась комбинированной. Одновременно и стрижка, и телесное наказание. А во-вторых, новички и командировочные офицеры, которые становились жертвами розыгрыша: «Слушай, в штабе такая парикмахерская классная! Бесплатная! А парикмахерша самого Чкалова стригла!»

Лексикон

Матюги в армии – дело обычное. Хотя иногда они оказываются необходимыми, без них порой трудно передать остроту ситуации и внушить собеседнику нужный настрой. Бывали настоящие виртуозы в данной области. Заплетали такие замысловатые комбинации, что можно было давать премии в области художественной словесности. Но были и противники мата. Один из летчиков принципиально не употреблял нецензурных оборотов, а вместо них собрал богатейшую коллекцию «рыбных» ругательств. Выражался исключительно названиями рыб. Когда распекал провинившегося, можно было услышать:

– Ах ты бильдюга! Простипома! Ну и стерлядь! Каракатица безмозглая!...

Высочайшее начальство

Однажды нашу часть должен был посетить сам Генеральный секретарь ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев. На Чкаловской была устроена выставка боевой техники, на аэродроме расположили новейшие самолеты и вертолеты, а в нашем конференц-зале разместили стеллажи со всевозможными приборами, средствами экипировки, развесили схемы и плакаты. Вот на эту выставку и предполагался приезд генсека. Что творилось в гарнизоне – уму непостижимо. Благо, стояла зима, мусор закрыло снегом. Но даже этот снег чуть ли не белили и не подкрашивали елки зеленой краской. В срочном порядке отремонтовали все здания, лежавшие на предполагаемом пути следования. Точнее, отштукатурили и покрасили фасады этих зданий, выходявшие к дороге. Тыльные стены домов как были, так и остались облупленными. А там, где непрезентабельные пейзажи все же просматривались, поставили вдоль дороги красивенькие высокие заборы.

Внутри гарнизона происходили аналогичные процессы, все на ушах ходили. А в нашу часть понаехали высокие плечистые ребята с ясными глазами – и в штатском, и в военном. Здание, в котором находился штаб и упомянутый конференц-зал, обшарили от подвалов до крыши. Лючки на полу, открывавшие доступ к линиям связи и электропроводки, осмотрели и опечатали. Чуланы уборщиц, чьи двери выходили в коридоры, осмотрели и опечатали. Все кабинки туалетов осмотрели и опечатали. Так что командованию части, машинисткам, секретчицам, приходилось теперь бегать по надобностям в соседний корпус.

На дни предполагаемого визита в суточный наряд назначили лучших строевиков, выпускников суворовских училищ. Репетировали с ними формы отдачи рапорта наивысшим должностным лицам – в Уставе они были, но в повседневной службе никогда не встречались. Оружейную комнату ребята с ясными глазами опечатали в первую очередь, ключи от нее забрали и пистолеты у дежурных тоже. Весь наряд ходил с пустыми кобурами, но и пустые у них периодически осматривали, только не опечатывали. А накануне назначенного дня прикатила целая колонна машин спецсвязи – чтобы руководство даже в такой глуши, как Подмосковье, оставалось связано со всей страной и зарубежными коллегами.

Но... планы переигрались. Стало вдруг известно, что Леонид Ильич у нас не появится. Приедет только министр обороны маршал Устинов. Однако и он был очень значительной фигурой – член Политбюро! Все мероприятия, как в плане потемкинских деревень, так и в плане охраны, остались в силе. Сортиры в штабном корпусе не открыли, уборщицам доступ к их метелкам не вернули. Только репетирующему наряду пришлось переучиваться на другую форму приветствия.

Уже поздно вечером накануне визита Устинова устроили «генеральную репетицию». Прикатил главнокомандующий ВВС, главный маршал авиации Кутахов – лично проверить готовность и пройти по выставке по той же программе, которую будут показывать министру (а то вдруг он завтра что-нибудь спросит? Надо заранее ответы узнать). К штабу подрулила вереница черных машин, захлопали дверцы. Вылезли Кутахов, его свита, все наше начальство от генералов и до полковников. Направились в здание. Но едва эта толпа, сияющая расшитыми фуражками и погонами, втянулась в глубины конференц-зала, как вдруг... на всей территории части погас свет!

Впоследствии выяснилось – это в плане «генеральной репетиции» врубилась машина спецсвязи. А в результате на нашей подстанции вышибло все предохранители. Но это стало известно уже позже. А тогда главком с окружением и сопровождением просто очутились в полной темноте. Сначала ошалели от неожиданности. Потом кто-то начал спичками чиркать. А кто-то из наших отцов-командиров ринулся к дежурному по части. Вспомнил, что у него,

по описи, должны быть две керосиновые лампы «летучая мышь». Но керосина в «летучих мышах», конечно же, не оказалось. Да и пользоваться ими никто не умел.

Ну а Кутахов, едва спички приближенных обозначили дверь, ни слова не говоря, развернулся. Вышел, сел в машину и уехал. Все молча! Но на начальников более низких рангов его молчание подействовало... сами понимаете, каким образом. Тоже выходили, садились в машины. Но по мере спуска по цепочке от вышестоящих командиров к нижестоящим взгляды и слова становились все более штормовыми. Наконец, начальник гарнизона генерал Кремлев процедил что-то сквозь зубы командиру нашей части полковнику Бойко, залез в свою «волгу» и укатил вслед за главкомовской кавалькадой. А для нашего командира оказалось уже некому передать эстафету недовольства. Он постоял, судорожно хватая ртом воздух, вскочил в свой «уазик» и помчался вслед за генеральской «волгой»...

Офицеры остались в подвешенном состоянии. Командиры подразделений ждали, не получая указаний. Наступила ночь. Потом часть личного состава все-таки отпустили по домам. Мы пошли к воротам. Они по окончании рабочего дня запирались. Но беспокоить дежурного мы не стали. Неужели не перелезем? Подходим и видим: на фоне ночного неба массивная фигура в шинели и папахе неуклюже карабкается через ворота с той стороны. Лезет и орет:

– Я пока еще командир! А меня уже в мою часть не пускают!

Оказалось – наш командир, вернувшийся после нагоняя. О том, что ворота запираются по его же собственному приказу, и что снаружи есть кнопка звонка, он просто позабыл. Впрочем, состояние его было такое, что при невозможности перелезть он бы и лбом ворота вышиб. К счастью, мы разглядели его издали. Под горячую руку предпочли не попадать. Укрылись в тени деревьев и пошли на выход через существовавшую и известную всем дыру в заборе.

У электриков был аврал на всю ночь. Но на следующий день визит Устинова прошел вполне благополучно. Министр остался доволен. Главком ВВС Кутахов, сопровождавший его, о вчерашнем инциденте ни словом не обмолвился, упреков никому не высказал. А для нас приезд высокого начальства ознаменовался только одним последствием. На инструктажах суточного наряда начали строго проверять умение обращаться с лампой «летучая мышь».

Ишак

Однажды Ан-24 с Чкаловской прилетел в Чимкент. Привез груз и должен был назад возвращаться. В оставшееся до вылета время экипаж, как водится, ринулся на базар – дыни набирать, фрукты всякие. Ведь прилавки овощных магазинов в те времена были совсем не такими, как сейчас. А в Средней Азии еще и была уникальная возможность покупать «бесплатно». Местные жители стойко не доверяли сберкассам и все сбережения хранили только в наличных. А чтобы меньше места занимали и легче было прятать, старались перевести свои капиталы в крупные купюры. За бумажку в 50 рублей охотно давали шесть червонцев, за сторублевою – двенадцать. Этим и пользовались опытные люди, перед рейсом в Среднюю Азию выменивали у сослуживцев деньги покрупнее. Ведь в России-то наоборот, 50 и 100-рублевки считались очень неудобными в обиходе, далеко не везде с них сдачи дадут...

Ну так вот, ждет командир своих подчиненных с базара. Появляется борттехник Сережа и эдак смущенно докладывает:

– Командир... я тут по случаю ишака купил. Разреши его провезти...

Командир, ясное дело, опешил. Пальцем у виска крутит. А Сережа-то жил на Чкаловской, но не в гарнизоне, а рядом, в деревне. На местной девчонке женился, и там, соответственно, теща, хозяйство. Он принялся горячо доказывать, какую пользу в этом хозяйстве ишак принести может. И дрова на нем возить, и удобрения, и картошку с поля, и стройматериалы... Сережа уговаривает, командир отказывается – боится посмешищем стать. Потом смотрит – борттехник совсем духом пал, и жалко стало. Парень-то хороший, аккуратный, дисциплинированный. Опять же, нехорошо получается. Сережа ишака уже купил, потрагился. Куда ему теперь девать скотину? А она неподалеку стоит, ушами шевелит, будто вникает, как ее судьба решается. Заставить обратно вести продавать – уже времени нет, да и опять же, посмешище – его подчиненный в форме будет ишаком торговать! Бросить жалко. Командир прикинул, что на Чкаловскую прилетят среди ночи, свидетелей мало будет... и махнул рукой. Грузи, мол, свою живность!

Вот таким образом прилетел ишак в Подмоскovie. Поселился у Сережи в сарае. Конечно, он сразу стал местной достопримечательностью. Вся детвора бегала смотреть длинноухого, да и взрослые заходили глянуть на диковинку. У забора постоянно любопытные околачивались, как в зоопарке. Но только осенью и зимой начались у ишака какие-то мутации. В северном климате у него вдруг стала расти длинная и густая шерсть. В результате осел превратился в совершенно неопишное лохматое чудище жутковатого вида. Тем не менее, перезимовал нормально, работу по хозяйству выполнял. Однако весна стала для него фатальной. Видать, подмосковные травы сильно отличаются по составу от среднеазиатских, и едва выпустили ишака на подножный корм, обожрался, да и окошел, бедолага...

Бараний десант

В Средней Азии произошел еще один случай, связанный с животными. Транспортный самолет Ан-12 разгрузился на одном аэродроме, а взять груз должен был на другом. Летуны-транспортники, изо дня в день путешествующие туда-сюда, люди очень коммуникабельные – так же, как шоферы-дальнобойщики. У них повсюду есть знакомые. Вот и здесь к командиру экипажа подошли местные приятели, предложили подработку – попутный груз захватить. Объяснили, что здешний аксакал настойчиво просит перевезти его стадо овец, и как раз туда, куда должен этот борт отправиться. Командир сперва отказывался, в советские времена такие вещи были сугубо противозаконными, тем более, на военном самолете. Но сумма оказалась слишком соблазнительной, уговорили. Баранов загнали в транспортный отсек, бабая загрузили в кабину экипажа и взлетели...

Но в пункте отправления нашлись недоброжелатели, тут же позвонили куда следует. Пока самолет был в воздухе, в пункт назначения уже приехали сотрудники МВД. Правда, у командира и там друзья имелись. Предупредили по радио: «Ребята, вас здесь уже ждут...» На борту, как сами понимаете, возникла паника. Влипли. Только аксакал оставался невозмутимым – он ни слова по-русски не понимал, работу оплатил и теперь важно восседал, мурлыча бесконечные песни. А экипаж, посоветовавшись, решил, что от груза надо срочно избавляться. «А этот что скажет?» – покосились на хозяина. «Да что он? Он же не рубит ни шута. Скажем, что сбежали его бараны. Или украли. Ну, вернем деньги за перевозку, вот и все...»

Открыли хвостовой люк для десантирования и, задрвав нос, пошли с набором высоты... Бараны и высыпались, как десантники, разве что без парашютов. Где выпал необычный десант, и что подумали случайные очевидцы – история умалчивает. На аэродроме к самолету сразу подрулили оперативники. Летчики изобразили перед ними оскорбленно-невинные лица и с достоинством предъявили пустой отсек: можете сами убедиться – клевета! Открыли люки и... сникли. Овцы-то в полете чувствовали себя неудобно, и испуг проявили самым естественным образом. Весь отсек был измазан свеженьким овечьим дерьмом...

Стратегический объект

Один мой сослуживец, старший лейтенант, пошел в наряд начальником патруля. А на инструктаже помощник коменданта принялся втолковывать: сегодня надо проявлять повышенную бдительность, всех нарушителей дисциплины задерживать. Ну, инструктажи-то мы в пол-уха слушали, просто отсиживали. Все ведь не в первый раз ходили, инструкции знали. Знали и о том, что обязательно будут повторять про бдительность.

А по инструкции полагалось задерживать только за грубые нарушения – пьяных, самовольщиков, подрывшихся. За всякую мелочь просто записывали фамилии, номера частей, и туда из комендатуры «вонючки» рассылали. Вообще у нас в патрулях считалось правилом хорошего тона не «зверствовать». Записать одного-двоих для отчетности, показать, что сами не прохлаждались, а службу несли.

Но в этот раз наш офицер все-таки сделал поправку, что бдительность сегодня должна быть «повышенной». Записал пятерых бойцов за разные мелкие прегрешения. Вернулся со своим патрулем в комендатуру на часик пораньше – мы всегда так поступали, на один час на маршрут уже не отправят, глядишь – отпустят. Но помощник коменданта увидел его, сурово нахмурился:

– Ну а где же задержанные?

Тот гордо протягивает лист бумаги с результатами патрулирования, ждет похвалы – аж пятерых записал. А помощник коменданта как взорвется:

– Да на хрена мне твои записанные! У меня дело стоит! Объект важнейший, можно сказать, стратегический! Вон там, за комендатурой, яму надо вырыть. Большую, два метра глубиной! Я что, этой твоей бумажкой копать буду!

Наорал на него и объявляет:

– Вот что! У тебя еще час времени – и если не удержишь шесть или семь человек, то и будешь сам копать вместе со своими патрульными!

Старлей понял, что шутки плохи. Как бы и в самом деле не зарыться в землю до завтрашнего утра! Бегом с бойцами прямо к солдатской столовой! Там как раз ужин был, со всех сторон народ стекается, входит, выходит. Патруль принялся хватать всех подряд: кого за расстегнутый воротничок, кого за «одиночное хождение», кого за «неопрятный внешний вид». Нахватал человек десять – в срок уложился. Соответственно, стратегическая яма была выкопана в тот же вечер и с высоким качеством. Правда, из задержанных солдат половина осталась без ужина. Но и они в итоге остались довольны. Им помощник коменданта объявил, что за ударную работу всех прощает, на губу не отправит и даже «вонючек» в часть присылать не будет.

Уважительная причина

Однажды у нас сдавали нормы ВСК – военно-спортивного комплекса. Прибыл проверяющий из вышестоящего штаба. Перед сдачей – общее построение. Вся часть выровнялась в шеренгах, начальники подразделений докладывают о готовности. А в отделе метеорологии служил лейтенант Сережа Левашов. Невысокого роста, пухленький, розовощекий. Парнем он был чрезвычайно аккуратным и исполнительным, поэтому на его долю досталась очень нудная и трудоемкая обязанность – составлять месячные отчеты по поверкам приборов. Когда начальство обходило строй, Сережа вдруг просит позволения обратиться и своим высоким голосом вежливо докладывает проверяющему:

– Разрешите мне не участвовать. У меня как раз месячные.

Приказано симулировать!

Нормативы по плаванию у нас всегда сдавали в конце августа, а по лыжам – где-нибудь в середине марта. Потому что про это забывали, откладывали за более важными заботами, а потом штаб спохватывался: скоро сезон кончится, а у нас еще нормы не сданы. Съездить искупаться в августе – это отлично, особенно если жара стоит. Но бежать на лыжах, когда они уже по проталинам скребут, и мокрый снег по пуду налипает – удовольствие ниже среднего. Как только объявляли кросс, у многих офицеров сразу находились причины отмазаться. У одного «вчера лыжа сломалась», у другого «крепление полетело», у третьего неотложная работа.

Обычно на это смотрели сквозь пальцы. Но однажды мы уже приехали в часть без лыж, а нашего начальника, полковника Овсянникова, назначили главным судьей. Он преисполнился ответственности и поставил задачу – явиться на старт всем. Хоть с лыжами, хоть без них. Заявил, что главное – не победа, а участие. А раз так, надо всем прийти и отметиться. Вот и будет участие стопроцентным.

Что ж, приказ есть приказ. После обеда народ отправился переодеваться, а группа офицеров, пытавшихся сачкануть, села «забить козла». За этим увлекательным занятием мы малость подзадержались. Пришли на лыжню, когда соревнования уже начались, первые участники вышли на дистанцию. Мы идем вдоль лыжни, они бегут мимо нас. Мы за них «поболели», поулююкали, поорали: «Давай-давай!». А дальше все, как планировалось – пришли на старт, отметились и потихонечку в сторону, по домам. Хотя одной детали мы не учли. В свитерах и вязаных шапочках не сразу узнаешь, кто есть кто. А среди тех, кому мы улююкали и «давай-давайкали» бежал замкомандира части полковник Федосеев.

На следующее утро, принимая по селектору доклады от начальников подразделений, он сделал Овсянникову втык. Указал, что группа его подчиненных в шинелях шастала по лыжне и улююкала, игнорируя участие в общем мероприятии. Велел «разобраться и доложить». Тут-то наш начальник задержался. В принципе, сам был виноват. Если бы вообще не пришли, никто бы не заметил. Сам же приказал явиться даже без лыж и спортивной формы. Но теперь Овсянникову требовалось выкручиваться перед командованием. Под впечатлением свежего разноса он собрал нас, пятерых сачков, и отдал новое приказание. Немедленно всем идти в санчасть и получить освобождение от физкультуры.

Делать нечего. Козырнули: «Есть!» и потопали. В принципе, для офицера получить освобождение можно было всегда. Прийти к врачу и сказать, что вчера вечером была температура, 37 и 5. А утром аспирин выпил, температура нормальная, но слабость, голова болит. Поверит врач или нет, но вдруг ты и впрямь болен? Поставит диагноз ОРЗ и даст освобождение от службы на три дня. Мы такой возможностью не злоупотребляли, это считалось не слишком красивым.

Сейчас был особый случай. Но ведь нас было пятеро! Явиться толпой по одному сценарию со «вчерашней температурой» никак не годилось. А терапевтов принимало трое. Их застолбили для себя Володя Панов, Саша Яковлев и Саша Финогенов. Сергею Надтоке и мне пришлось что-нибудь другое изобретать. Сергей решил заново поэксплуатировать мучивший его когда-то радикулит. А я вспомнил, как пару месяцев назад меня на футболе «подковали». Недели две хромал. Ко времени лыжного кросса все давно уже прошло, но я вспомнил симптомы и отправился к хирургу. Описал ему случившееся с поправкой, будто «подковали» меня не два месяца назад, а вчера. Он потрогал, направил на рентген. И уж не знаю, как там получилось – обнаружили перелом пальца ноги. Впрочем, при том качестве аппаратуры и пленки, которыми наша медицина пользовалась, обнаружить могли что угодно. А может, я

тогда на футболе заработал трещинку, уже сросшуюся? Но в результате меня окружили вниманием, прибинтовали к пальцу щепочку и дали освобождение от службы... на десять дней!

Выхожу от хирурга сияющий. А навстречу, из кабинета невропатолога, Надтока с улыбкой до ушей:

- Ну как?
- Нормально! А у тебя?
- И у меня нормально. У тебя что?
- Радикулит! А у тебя?
- Перелом!

Мы радостно зашагали в часть. Приближаясь к ее воротам, оба скособочились, захромали, по-братски опираясь друг на друга. Являемся к Овсянникову, кладем на стол освобождения. Он удовлетворенно хмыкает: «Вот это другое дело!» А Сергей ему: «Разрешите убыть домой?» Тот аж опешил: «Как – домой?»

– А так. Вы разве не видите – освобождение не только от физкультуры, а от служебных обязанностей. Как же нам с радикулитом и переломом на службе оставаться?

Честно говоря, я не рискнул бы упорствовать. Но Серега был гораздо опытнее и решил, что такого ляпа, как приказ идти в санчасть, начальству спускать нельзя. Ткнул меня незаметно, чтобы не сдавался. У Овсянникова глаза на лоб – отправлял за справками здоровых людей, а пришли скрюченный и поломанный. Он схватился за телефон, вздумал уличить нас в подделке справок. Позвонил в регистратуру, но там по нашим медицинским книжкам подтвердили, что на приеме мы были, диагнозы соответствуют, да и рентген делался. Против рентгена спорить он уже не мог. Мы отправились по домам. Нежданно-негаданно заработали себе по 10 суток отпуска!

А у терапевтов очереди были длиннее, и ребят с «ОРЗ» мы опередили. Когда они тоже выложили справки с трехдневными освобождениями от службы, Овсянников их все-таки не отпустил. Расшумелся, что у него вообще офицеров не останется. Ну а зачем же такие приказы давать? Семь раз отмерь – один прикажи.

Табель о рангах

В строевых войсках полковник был большой величиной. Командир полка, заместитель командира дивизии. Но в высоких инстанциях кругом были полковники, и в Генштабе их делили на три категории – «товарищ полковник», просто «полковник» и «эй, полковник». К «товарищам полковникам» относили тех, кому полагалась служебная машина. К просто «полковникам» – если был отдельный кабинет. А остальные порученцы и служащие были «эй полковниками».

Кошачье царство

В советское время квартирный вопрос стоял очень остро. У военных было полегче, но только в дальних гарнизонах. А в Подмоскovie бесквартирные лет по 5–7, а то и больше в очереди стояли. Если же семья выросла и стало тесно, надо было во вторую очередь записываться, «на улучшение». Но моему сослуживцу Валере Ляпину сказочно повезло. Он нашел одинокую бабульку, которая согласилась за солидную доплату (в те времена доплата была сугубо неофициальной) обменять свою трехкомнатную на его «однушку». Кроме того, старушка попросила, чтобы ей переезд обеспечили. Как водилось в подобных случаях, Валера кликнул бригаду из сослуживцев. Явились они по указанному адресу, сунулись в квартиру – и пулями назад, на лестницу! У всех слезы из глаз, дыхание перехватило, судорожно ртами воздух хватают...

Потому что у бабульки жили кошки. Штук десять. А может, двадцать. Валера потом утверждал, что их было пятьдесят, но тут он явно преувеличивал – такую ораву старушка на свою пенсию не прокормила бы. Но когда кошек много, и они по разным комнатам перемещаются, то установить их точное количество затруднительно. Факт тот, что по первому впечатлению кошки там были всюду. Куда ни глянь – кошку увидишь. Да сами-то кошки еще ладно. Но от их ароматов впечатление было куда более сногшибательным. Атмосфера в квартире была настолько ими насыщена, что представляла собой как бы сплошные пары аммиака. Старушка-то, видать, привыкла, адаптировалась – может, даже подлечивалась от своих болезней этой дыхательной уринотерапией. Но для посторонних воздух в ее доме оказывался не более пригодным для дыхания, чем в газовой камере.

При переезде хозяйка своих кошек никому не доверила. Сама их пересчитывала по хвостам и головам, перетаскивала партиями, чтобы не забыть ни одной любимицы. Но запах-то они с собой не забрали. Поэтому дальнейшая процедура переезда выглядела следующим образом. Грузчики-добровольцы на лестничной площадке набирали в легкие побольше воздуха. Задержав дыхание и зажмурив глаза, ныряли в квартиру. Хватали первый попавшийся предмет и быстренько волокли наружу, делая выдох уже за дверь. А на улице после каждой носки устраивали долгий перерыв, вентилируя легкие кислородом и никотином.

Когда же перевозка бабки с ее питомцами и вещами наконец-то завершилась, Валера, как полагалось, пригласил помощников обмыть новоселье. В этой самой квартире. Пригласил – и сам осекся. А все остальные посмотрели на него выразительными взглядами и проявили вдруг себя абсолютными трезвенниками. Впрочем, и само новоселье де-факто оказалось невозможным. Новому хозяину пришлось временно пристроить семью и мебель у родных. Не потащишь же жену и детей в эдакий газовый кошмар. Он открыл в квартире окна и оставил проветриваться. Через неделю заглянул, думал, получше будет. Куда там! Если отдельные молекулы кислорода сумели внедриться в годами спрессованную кошачью атмосферу, то дышать было ничуть не легче.

Знатоки ему посоветовали отциклевать полы – чтобы снять верхние, запахонесущие слои древесины. Он одолжил у знакомых соответствующий инструмент, а в части взял противогаз. Напаялил его и взялся за работу. Хотя не зря же говорят «не трожь, не воняет». Но там уже воняло. А когда он еще и тронул! Растревожил древесину, пропитанную кошками. Площадь поверхности, испускающей запаха, увеличилась пропорционально стружкам. Такая амбруха пошла, что уже и противогаз не помог, еле выбрался из кошачьей квартирки. Потом, набравшись решимости, еще несколько раз приходил и за циклевку брался. Но результат был разве что отрицательный. Циклевка под одними запахами вскрывала следующие, точно такие же.

Стало ясно, что доски пола пропитаны кошками насквозь. Ну а коли так, надо полы перестилать. Договорился он с плотниками с соседней стройки, сошлись в цене. После своей основной работы пришли они, только порог переступили – и назад! Говорят: «Ну тебя на фиг, майор! И хрен с ними, с твоими деньгами, здоровье дороже!» В общем, ему пришлось и полы самому перестилать. Естественно, в противогазе. А потом еще обои отскребать – бумага, она тоже запахами хорошо пропитывается. Потом оказалось, что необходимо поменять и подоконники, плитуса, оконные рамы, двери. Наконец где-то через год он смог въехать в новую квартиру. Вот только кошек с той поры на дух не переносил.

Наука и устав

Военную технику разрабатывали научные институты, изготавливали ее оборонные предприятия, а принимали военные. Испытания проводили вместе. Дело-то, вроде, общее. Но одни старались как-нибудь сгладить и затушевать проявившиеся недостатки. А другие – их обнаружить. Из-за этого с одной солидной московской фирмой стали возникать трения. Ее руководство требовало от своих сотрудников «военным ничего не говорить». Офицеров заведомо считало ничего не смыслящими дубами, и после неудачных работ начинало втирать очки. Их «светила» раскладывали листы бумаги, расписывали длиннющие и многоэтажные дифференциальные уравнения и принимались глубокомысленно рассуждать, что, наверное, оказало влияние «о малое» или «пси – два штриха», которого не учли. Но у нас-то служили выпускники высших инженерных училищ и тех же самых институтов, которые заканчивали их специалисты – физтеха, МИФИ, МАИ, МЭИ. Кивая, выслушивали их галиматью, потом перелопачивали записи объективного контроля – и подтверждалось то, о чем мы уже сами догадались – их техника опять отказала, автоматика никуда не годится.

Когда очередной раз мы вежливо уличили ученую братию, что наши выводы не совпадают с ихними, заместитель генерального конструктора Мансуров психанул. Объявил – пускай военные не лезут в высокую науку, а займутся делами, в которых они петрят. Пускай получше охраняют самолет, который находился на испытаниях. А то мимо важнейшего и секретнейшего объекта ходят посторонние офицеры, солдаты. Нужны, мол, особые пропуска, круглосуточная вооруженная охрана. Принялся скандалить по этому поводу, письма писать от своей фирмы.

Что ж, замечание учли. Стоянку этого самолета за несколько часов огородили забором из переносных щитов. Батальон охраны выделил одну штатную клетку часового. Чтобы круглосуточно дежурил у входа на стоянку, и он же будет исполнять обязанности контролера, проверять пропуска.

А вскоре приехал тот же Мансуров. Вылез из машины и по-хозяйски зашагал к самолету. Но боец его остановил:

– Ваш пропуск?

Тот лишь отмахнулся – так же, как у себя на фирме отмахнулся бы от новенького вахтера, не знающего в лицо высокое начальство:

– Да пошел ты! Я зам генерального конструктора!

Даже не оглядываясь, уверенно зашагал дальше. Но солдат-то был не только контролером, а еще и часовым. Скинул автомат с плеча и скомандовал:

– Стой, стрелять буду!

Мансуров обернулся, что-то сказать силится, а на него дуло направлено. И затвор лягнул, досылая патрон в патронник. Штатский начальник брызнул руганью, хотел оскорбленно назад идти к машине. Но часовой хорошо знал Устав. Попытка проникнуть на пост уже совершена. Значит, отпускать нарушителя не положено. Боец приказал:

– Лечь на землю!

Была весна – под ногами снежная мокрая каша с грязью. А Мансуров в новом пальто... Мнется нерешительно, а часовой дулом понукает:

– Давай-давай, ложись!

В общем, полежал. Отдохнул до прихода разводящего. Заодно убедился, что в служебных вопросах военные тоже кое-что понимают.

«Левша»

В сказке, где русский умелец подковал блоху, нет ничегошеньки неправдоподобного. Это я вам могу подтвердить с полной ответственностью, поскольку сам был свидетелем аналогичного случая.

Как-то по ходу испытаний нам понадобилось создать термобарокамеру, которая имитировала бы условия полета на больших высотах. То есть, герметичный бак, охлаждаемый до сильных «минусов» и откачиваемый форвакуумным насосом. Но сложность заключалась в том, что для различных приборов в камере нужны были шесть окошек. А три оптических оси, проходящие через центры этих шести окошек, должны были пересекаться строго в одной точке. Набросали мы чертеж и отправились к специалистам смежного гражданского НИИ, где имелось мощное опытное производство. Конструкторы наши чертежи посмотрели с большим сомнением, головами покачали и отправили к технологам. А технологи руками развели и объяснили, что делать такую штуковину придется очень долго безумно дорого. Потому что вытачивать подобную камеру потребуется из цельного куска металла.

Мы удивились – зачем из цельного-то? Взять корпус, приварить к нему сверху рубашку для жидкого азота, приварить фланцы для окошек... Услышав такое, технологи вволю посмеялись над невеждами-военными. Популярно растолковали – при сварке всю нашу конструкцию так «поведет» непредсказуемым образом, что о требуемой оптической точности никакого разговора быть не может.

Но мы все-таки решили попытаться. С самым пробивным нашим техником, Володей Кругловым, взяли спиртяги и пошли к сварщику дяде Семе. Рабочий он был старый, опытный. Показали чертеж, растолковали, что к чему, спрашиваем: «Ну как, дядя Сема, сможешь такое сделать?» Отвечает: «А чего ж? Будут заготовки – сделаем». Отправились с Володей по свалкам нашей части. Там валялись детали списанных самолетов и движков, обрезки из мастерских. Отыскали кусок трубы большого диаметра – как раз корпус для камеры. Нашли куски листовой стали для торцов и рубашки охлаждения. А фланцы для окошек сами на токарном станке сделали. Собрали весь этот хлам в сарайчике дяди Семы, давай размечать. Где мелом, где отверткой процарапали – в общем, разметка получалась весьма приблизительно. Но он взялся он за работу. Резал, кромсал, варил. Наконец, закончил.

У сооружения, которому предстояло стать ювелирно точной установкой, видок получился потрясающий. Не для слабонервных. Нечто, напоминающее броневик Ильича, но только еще и после обстрела тяжелыми снарядами. Технологи оказались правы, и при сварных работах конструкцию повело и перекорежило – вся в окалине, в копоты, непонятной формы. Однако дядя Сема этим нимало не смутился. Дело-то при сварке обычное. Взял вульгарную пудовую кувалду и принялся выправлять образовавшееся изделие. Кувалдой. И уже, естественно, без всяких измерительных приборов и инструментов, на глазок. Шарахнет раз пять-семь с одной стороны. Потом поглядит на чертеж – как там в идеале наша камера должна выглядеть. Давай лупить по ней с другой стороны. Бил-бил, кое-как выправил и говорит: «Готово! Забирайте! Если что не так, еще приходите, подправлю». Что ж, взвалили мы свою махину на тележку и с невероятным грохотом поволокли ее в лабораторию...

И что бы вы думали? Когда взгромоздили ее на стол и с помощью лазеров проверили оптические оси наших окошек, все три идеально сошлись в одной точке! Вот это было действительно на уровне «подковывания блохи»! Работала камера, изготовленная подобным образом, хоть куда. Запланированные испытания с ее помощью мы провели успешно. А потом смежный гражданский НИИ у нас эту камеру для своих работ одалживал. Тот самый НИИ, где нам доказали полную невозможность ее изготовить.

Боевая единица

Когда говорят «войсковая часть», обычно подразумевается полк, отдельный батальон или другой контингент, соответствующий им по рангу. В начале 1980-х годов в Советском Союзе создавался новый вид боевой техники, и в составе войск ПВО было решено сформировать отдельную часть, которая будет оснащена этим вооружением. Создавать ее стали заранее, чтобы офицеры изучали и осваивали новинку уже в ходе испытаний. Командиром назначили подполковника Поварешкина, для начала ему дали две машины, восемь офицеров и двоих солдат-шоферов. В дальнейшем предполагалось развернуть это ядрышко до нормального состава. Части из 13 человек присвоили соответствующий номер, выдали печать. Хотя часть еще не имела ни своей территории, ни помещения, была прикомандирована к нашей испытательной базе, и Поварешкин носил печать в кармане.

Однако тот самый образец техники, для которого их сформировали, как раз из-за своей новизны надолго застрял на этапе испытаний, доводок, доработок. Соответственно, и воинская часть зависла в составе 9 офицеров, 2 солдат и 2 автомашин. Но как только она получила номер, вышестоящие штабы принялись слать ей все бумаги, которые рассылались в настоящие воинские части. Со всех уровней, от министра обороны до начальника гарнизона, на нее хлынул поток приказов, директив, инструкций, наставлений, указаний. А в результате 9 офицерам пришлось с головой зарыться в этой макулатуре. Едва успевали получать спускаемые документы, отвечать на них требуемыми рапортами, донесениями, докладами, да еще и вести отчетность – в том же объеме, как полагалось полноценной воинской части. В общем, не позавидуешь.

Такая нелегкая служба продолжалась у них лет пять или шесть. А потом грянули «перестроечные» сокращения армии, и для вышестоящего руководства эта часть оказалась очень кстати. Ее расформировали без всяких трудностей, одним росчерком пера – и в вооруженных силах на целую войсковую часть стало меньше!

Парашютисты

В госпиталях самыми жизнерадостными и дружными пациентами были парашютисты. Для них госпиталь был – как дом родной. Помните, как в фильме «Джентльмены удачи»: «Украл – выпил – в тюрьму, украл – выпил – в тюрьму... Романтика!» Точно так же для парашютистов считался вполне нормальным цикл: «Попрыгал – поломался – в госпиталь, вышел – попрыгал – в госпиталь...» Конечно, поломаться любому неприятно. Но для них подобные происшествия были нередкими. В центральных госпиталях они прекрасно знали все ходы и выходы, всех врачей и медсестер, к кому из них и как подъехать.

Да и в палатах они бывали центром «общества». Стоило попасть в палату одному парашютисту, как к нему начиналось паломничество друзей. Парашютисты-профессионалы, к какому бы ведомству они ни принадлежали – ВВС, ВДВ, ПВО, морфлот, пограничники, хорошо знали друг друга по всяким соревнованиям, и спайка у них была железная. Каждый ведь знал, что завтра может и сам на той же койке очутиться. В гости приходили с угощениями, из сумок появлялись запретные в госпитале напитки. Ну а соседей звали – присоединяйтесь.

У парашютистов была выработана даже собственная методика, как выходить из послеоперационного состояния. Когда очередному поломанному предстояла операция, друзья приносили бутылку водки и передавали соседям по палате. В первый-то день прооперированному ничего не нужно, он спит еще в дурняке от наркоза. А вот на второй день ему хуже всего: и боль просыпается, и наркотическое «похмелье». Вот в этот момент полагалось поднести ему граммов 100–150. Больше не надо, он и с этого количества «поплывет», так что остальное допивали товарищи по палате. Но действие получалось чрезвычайно эффективным. Угнетенное состояние быстро проходит, лицо прямо на глазах из зеленоватого приобретает розовый цвет, дыхание становится ровным, и человек засыпает – уже нормальным, здоровым сном.

Когда я валялся в ЦНИАГе, туда поочередно поступали несколько парашютистов. Их коллеги с каждым проделывали подобную процедуру, а попутно внедрили это способ и для других больных, ждавших операции. Врачи даже поражались и обсуждали между собой – почему в нашей палате пациенты стали так быстро идти на поправку?

Военная хитрость

Лежали со мной в госпитале два пожилых офицера – Тимофеич и Федорыч. Федорыч – разбитной и шустрый, а Тимофеич очень уж любил о политике порассуждать. Всю палату замучил! Ему принадлежал и единственный телевизор, принесенный родными. Однако он включал только политические передачи, принимался долго и нудно пережевывать услышанную информацию.

И вот Тимофеичу операцию сделали (он в госпиталь попал после автомобильной аварии). Целых два дня мы от политики отдыхали. Такая благодать! Но едва начал в себя приходить – снова завел то же самое. Тогда Федорыч не выдержал. Вечером, когда врачей уже нет, побежал к дежурной медсестре. Изобразил соответствующую физиономию и зовет ее:

– Ой, сестра! Там Тимофеичу совсем худо! С кровати упал и бредит! Я его обратно поднял – он лежит сейчас, мечется и чепуху какую-то бормочет!

Сестра, понятное дело, перепугалась. Ей-то зачем лишние проблемы? Хватает шприц с промедолом и несется в палату. А Тимофеич лежит, и можно понять, что действительно бредит – широко жестикулирует руками и рассуждает о политике. Сестричка с ходу ласковым голосочком начинает его убаюкивать:

– Успокойтесь, успокойтесь, пожалуйста, сейчас вам укольчик сделаем, вот и хорошо будет, вот и ладненько...

Тимофеич дисциплинированно заднюю часть подставляет – он-то ведь думает, что так и надо, врач прописал. Сестра вкатывает ему наркотическую дрянь, которая в критических случаях положена для послеоперационных. В итоге Тимофеич через несколько минут блаженно вырубается, политическая тематика заканчивается, и мы включаем по ящику фильм или концерт... Такую штуку Федорыч ухитрился с ним проделать трижды! Пока не прошли за трое суток все смены дежурных сестер.

Товарищи по оружию

Когда мне пришлось лежать в ЦНИАГе, туда поступил негр. Естественно, он притягивал всеобщее внимание, однако удовлетворить любопытство удалось далеко не сразу. Потому что по-русски он почти не понимал. И английского тоже не знал. Но потом в госпиталь поступил упоминавшийся Федорыч, немножко знавший французский. На чудовищной смеси французского и русского с добавлением английских слов им кое-как удалось наладить диалог.

Выяснилось, что негра зовут Франсуа. Что он заместитель главнокомандующего ВВС Республики Конго. По званию – капитан. Но у них там вообще самое высокое звание – подполковник. А ВВС у них состоят из двух эскадрилий, одна истребительная, другая транспортная. Заместитель главкома Франсуа одновременно командовал истребительной эскадрильей. Очень, кстати, жалел, что он летает не на транспортниках. Потому что истребители у них были советские, МиГ-21, пилоты учились в СССР и специализированное медицинское обслуживание тоже получали в СССР. А транспортники у них были французские. Их экипажи и учились, и лечились во Франции. Сами понимаете, условия были совершенно разные. Франсуа попал к нам из-за того, что проходил обследование после вынужденного катапультирования, пребывание в госпитале его правительство оплачивало в долларах. Но он, как и наши офицеры, пребывал в шестиместной палате и в столовой получал то же самое, что другие.

Ну о чем еще могли поговорить с ним советские «товарищи по оружию»? «А получаешь нормально?» – «Получаю нормально». – «А с жильем у вас как? Квартира есть?» – «Да, квартира есть. Два комнаты. Один этаж и два этаж». – «А жена есть?» – «Да, есть. Два раза жена есть. Хотел третий раз жена иметь, но этот авария помешал». Но особенно охотно он говорил о еде. Рассказывал о своих экзотических блюдах. «Питон – вкусно. Крокодил молодой. – он показывал длину вытянутой руки. – Вкусно. Крокодил большой – тьфу, невкусно». Оживлялся при таких разговорах, аж душой веселел. А потом как-то сникал, отправляясь в столовую, где приходилось ковырять вилкой синюю манную кашу.

Бдительность

Особисты, то есть офицеры особого отдела, были ребята умные, толковые. Других в их ведомстве не держали. Свои обязанности они выполняли тихо, спокойно, и жизнь нам никогда не портили. Другое дело – режимщики. Офицеры наших же штабов, следившие за соблюдением режима секретности. На этих должностях требовались самые твердокаменные, самые придирчивые педанты, и чем тупее, тем лучше. Чтобы личный состав не расслаблялся и чувствовал неусыпный контроль. Режимщики цеплялись по любым формальным мелочам, и по каждому пустяковому прегрешению против инструкций обязательно стучали командованию, чтобы подтвердить свою бдительность. А отдуваться после их докладов приходилось нелегко – по всем инстанциям просклоняют!

Когда в служебном здании или вблизи испытательной площадки мелькал режимщик, друг от друга разлеталось предупреждение об опасности. Периодически они наезжали с комиссиями, обходили подразделения. Тут уж наши начальники оповещали – быстро готовьтесь! Это значило – будут проверять «безопасность связи». А именно, наклеена ли на каждом телефонном аппарате бумажка «Помни! Враг подслушивает»? Или на каком-нибудь оторвалась, а новую налепить забыли? И еще будут шмонать по столам, искать «неучтенные» бумаги. Их у каждого было полно: один что-нибудь вычислял, выкладки делал, другой телефоны записал, у третьего список продуктов, которые жена поручила купить. Но инструкции требовали делать записи только в рабочих тетрадях. За «неучтенные» в приказ попадешь – вони не расхлебашь. Выгребали вороха бумаг, спешили прятать: в раздевалке под спортивной формой, в лабораториях, в корпусе какого-нибудь прибора.

А потом режимщики придумали массовые мероприятия, где они в полной мере показывали свою значимость. Прочесывать территорию части, не спрятана ли где-нибудь вражеская разведывательная аппаратура? Но территория у нас была огромная – лес, здания, испытательные установки, стоянки техники. На поиски выгонялся весь личный состав. Любые дела прерывались или отменялись. Ну что ж, приказано – идем искать. При первом прочесывании наши офицеры с серьезными физиономиями подошли к режимщику и показали ему на старый скворечник. Озабоченно доложили – ведь никто не помнит, как и кто его вешал. А отверстие глядит прямо на окна служебных кабинетов! Потом от души насладились зрелищем, как он самолично карабкался на дерево и отдирал трухлявую, совершенно сгнившую конструкцию.

Но прочесывания стали повторяться, и мы изобрели постоянную методику. С одной стороны наша часть соседствовала с жилыми домами. Их обитатели порой ленились нести мусор на помойку и забрасывали к нам за забор, возле него валялось много всякой дряни. Когда объявляли поиски, мы шли прямо туда. Осматривали этот хлам, пока не попадалось что-нибудь подходящее: платы от разбитого радиоприемника, сломанная «рогатая» телеантенна или что-то в этом роде. Мы несли помойную находку начальнику и докладывали: обнаружен подозрительный предмет. Наш начальник игру принимал. Делал вид, что выслушал доклад всерьез, экстренно вызывал режимщика и бережно вручал ему очередной продукт археологии. Да и почему бы начальнику не подыграть? Он показывал бдительность своих подчиненных и сам получал неплохое развлечение.

«Шпион» Сашка

На испытания одного самолета к нашей части прикомандировали группу офицеров из ПВО. Мы с ними подружились, на аэродроме заходили к ним «козла забить». Одного из этих парней, старшего лейтенанта Сашу Юшкевича, любившего и умевшего остроумно пошутить, прозвали «весельчак Ю» – по мультфильму «Тайна третьей планеты».

Саша был холостяком, снял в Москве однокомнатную квартирку, а в свободное время гулял по своим холостяцким надобностям. Словом, в свободном поиске. И однажды в этом самом поиске он познакомился с девушкой-тезкой по имени Саша, которая оказалась американской туристкой русского происхождения, причем из очень богатой семьи. А в результате у двух Саш закрутилась бурная и пламенная любовь. Они несколько раз встречались, Юшкевич рассказал, что он офицер. Но девушка-то оказалась непростой. На очередном свидании, когда они гуляли по ВДНХ, их «пасли» какие-то другие американцы. Фотографировали их тайком. Скорее всего, для последующей вербовки. Но эти американцы уже были на примете у советских «органов», и их тоже «пасли». Определили, за кем они следят, и заинтересовались сладкой парочкой.

Однако Юшкевич с подругой, судя по всему, обнаружили за собой «хвост». Или те американцы обнаружили и девушке Саше подсказали. Она после этого улетела домой, а старлей пошел к своему начальству. Чистосердечно покаяться в связях с иностранкой и пообещал, что больше не будет. Шею ему намылили, но простили, даже от секретных работ не отстранили. Но теперь уже присматривали за ним, держали под контролем.

А через некоторое время американка Саша позвонила ему, что снова приезжает. «Органы» разговор, конечно, прослушали, поджидали гостью в аэропорту. Но тут-то и выяснилось, что влюбленные провели их за нос! Оказывается, они заранее сговорились, что она сообщит о приезде, но прибудет на сутки раньше того числа, которое назовет. Они получили целые сутки в свое распоряжение. Однако через сутки поджидавшие девицу оперативники не нашли ее среди пассажиров, быстро разобрались, что американка Саша прилетела еще вчера, а их обставили, как детей! Вот тут уж компетентное ведомство крепко рассердилось. Юшкевича взяли в тот же день в его гнездышке – подруга уже ушла, а он отсыпался после бурных суток. Особист, присутствовавший при этом, рассказывал, что их визиту Сашка не удивился и был совершенно спокоен. Только подошел к столу, где стояла литровая бутылка импортной водки, привезенная девушкой, и одним махом заглотив из горла чуть ли не половину. Видать, решил, что такое удовольствие он теперь получит не скоро.

Но и кагэбэшники оказались в затруднительном положении. Не знали, что же им с делать с Юшкевичем. Сажать не за что, не сталинские времена. Обычная связь с иностранкой – не преступление. Да он эту связь и не скрывал, сам доложил. Другой вины за ним не значилось. Отпустить на все четыре стороны – но он знал слишком много, имел доступ к секретам государственной важности. Выход нашел главнокомандующий ПВО. Ему доложили, и он решил проблему одним махом. Сашку мгновенно перевели куда-то в Забайкалье, в «нережимную» часть. А в те годы даже стройбаты часть документации секретили, поэтому «нережимной» могла быть только совсем тухлая дыра, наподобие лесоскладов или складов солдатского белья. Юшкевича было приказано отправить туда в 24 часа. Сразу же, с сопровождающими, не позволяя чихнуть без присмотра, завезли домой быстренько собрать вещи, доставили на вокзал, впихнули в вагон – и катись! Пускай безвылазно сидит в таежной глухомани, пока секретам, известным ему, не выйдут все сроки давности.

Как ни удивительно, но эта история закончилась прямо-таки классическим голливудским хэппи-эндом. Она случилась в мае 1985 г. А еще через год началась «перестройка». В 1992 г. сослуживцы случайно увидели Юшкевича в Москве. Он уже успел демобилизо-

ваться, был женат на богатой американке Саше и занимался оформлением документов на постоянное жительство в США. В 1997 г. его встретили в Москве еще раз. Но теперь он был такой персоной, что на приветствия прежних товарищей отвечал лишь небрежным кивком. Стал президентом российского филиала американской фирмы по производству медицинского оборудования. А принадлежала фирма его тестю.

Пьянству – бой!

В 1985 г. по стране шарахнула горбачевская антиалкогольная кампания. Вырубались виноградники, рушились винные и пивные заводы, закрывались кафе и винные отделы магазинов. А в воинские части свалился приказ Министра обороны «сто пятьдесят», разъяснявший, что не только злоупотребление, но и просто употребление спиртных напитков должно считаться грубейшим нарушением воинской дисциплины. С военторговских прилавков спиртное исчезло начисто. Где-то на складах оно имелось. Но продавалось лишь в экстренных случаях – для похорон, свадеб и т. д. Для этого требовалось написать рапорт, завизировать у своего начальства, подписать у начальника тыла, после чего можно было приобрести – из расчета 100 граммов на каждого участника торжества.

А военную форму приравнивали вдруг к «спецодежде». В то время в магазинах, ресторанах, забегаловках, висели плакатики: «Лица в спецодежде и нетрезвом виде не обслуживаются». Теперь и военную форму стали рассматривать наподобие комбинезона маляра или спецовки слесаря, отлучившегося от станка за бутылкой. Хотя продавщицы-то, конечно, обслуживали. Точно так, как во все времена обслуживали и в спецодежде, и в нетрезвом виде, и несовершеннолетних. Но во всех местах, где появлялось спиртное, сразу выстраивались длиннющие очереди, и стоять в них в форме было совсем не уютно. А уж зайти в мундире в ресторан или кафе стало слишком опасно.

Но что делать, если вам с друзьями просто захотелось после работы пивка попить? Отметить какой-нибудь маленький праздник? Например, праздник, если в магазине возле станции пиво выбросили, и вы успели его купить? Летом можно в лесок отлучиться, где никто вас не увидит. А зимой? Но умельцы нашли выход. Берешь длинную пластиковую трубочку для изоляции проводов.носишь с собой кусок около метра – места он почти не занимает. А если возникла необходимость, пропускаешь трубочку через рукав шинели, чтобы кончик был под воротником. Сели в электричку, пиво в портфелях. Открыли его незаметно, и руку тоже в портфеле держишь. Кончик трубки опускаешь в бутылку, сидишь, беседуешь. А лицом в воротник уткнешься, пососал, сколько надо, и дальше разговариваешь. Со стороны совершенно незаметно.

Перестройка

Перестройка – времечко знаменитое. Как только Горбачев ее объявил, из вышестоящих политорганов пришла директива – перестроиться в кратчайшие сроки и к такому-то числу доложить, сколько процентов личного состава уже перестроились, а сколько еще нет? Соответственно, требовалось принять меры по отношению к тем, кто еще не перестроился. Все отцы-командиры оказались в полном шоке, гадая и недоумевая – как и в какую сторону перестраиваться?

Но через некоторое время из тех же самых политорганов пришла следующая директива, гневно осудившая установки и методы, которые требовались в прошлой директиве. Разъяснялось, что перестройка – длительный и сложный процесс. Что формальными рапорты о «перестройке» личного состава – это вредная и опасная бюрократия, и ее необходимо отбросить раз и навсегда. А перестраиваться придется всем, реально и всерьез. Однако каким образом перестраиваться, опять не уточнялось, потому что авторы директивы этого и сами не знали. Практическое указание было только одно: никого впредь не объявлять отличниками боевой и политической подготовки и не определять отличных частей и подразделений, иначе это будет свидетельствовать о нетребовательности и отсутствии самокритичности. Что ж, на всех занятиях, зачетах, проверках, подведениях итогов начали «четверки» ставить.

Ну а дальше понеслось. «Ускорения», «демократизации», реформы, сокращения армии, талоны на продукты питания. Мой сослуживец Саша Антоновский характеризовал покотившиеся события философски: «Господа, ну я, конечно, понимаю, что со временем жизнь должна становиться все хреннее и хреннее. Но не с такой же скоростью, господа!» Полковник Ибатуллин, увольняясь в запас в 1988 году, на прощание изрек: «А все же нашему поколению повезло! Попили до антиалкогольной кампании, порезвились с бабами до СПИДа и послужили до перестройки!» Третье высказывание принадлежит моему знакомому Сереже Хлесткову: «Лучше умереть строя, чем жить перестраиваясь».

«Гореловщина»

Когда перестроечные катаклизмы взбаламутили всю страну, в верхах решили, что демократизация зашла слишком далеко, и пора подтянуть гайки. Подтягивание начали с армии. Для этого был назначен новый Министр обороны, маршал Язов. Первым делом, он взялся наводить образцовый порядок в центральных учреждениях. Явившись в свое министерство, обнаружил там офицеров, ходивших в рубашках. В летнее время такая форма одежды допускалась, но Язов считал, что она расслабляет военнослужащих и подрывает устойчивость дисциплины. Устроил всем разнос и приказал в служебное время одеваться по полной форме – в тужурках и галстуках. Стояла тридцатиградусная жара, кондиционеры в то время были редкостью, а в аппарате министерства хватало старичков. Для многих из них тужурки в жару обернулись сердечными приступами, двое-трое вообще преставились. Но Язов объявил: те, кто не способен выносить тяготы и лишения воинской службы, могут подавать рапорта на увольнение. Поэтому старые генералы с полковниками продолжали терпеть, обливаясь потом – авось, мол, как-нибудь выдержу.

Новые веяния из министерства мгновенно разлетелись повсюду. В начале и в конце рабочего дня возле проходных стали возникать патрули или помощник коменданта прятался в кустах, ловил и записывал «рубашечников». Хотя форму одежды в рубашках с погонами никто не отменял. Однако были изданы разъяснения, что в рубашках разрешается ходить «вне службы». Допустим, если ты у себя дома перед родными в форме разгуливаешь или в воскресенье на пляж в погонах отправился. А когда идешь на службу – категорически ни-ни!

Правда, внутри части наши командиры на такие требования смотрели сквозь пальцы. Зачем же и самим страдать, и подчиненных мучить? А тем, кто далеко живет и пересекает зоны действия свирепых московских патрулей, не только разрешили, а неофициально рекомендовали ездить по гражданке. Вешаешь форму на рабочем месте, и перед утренним построением переодеваешься. Но Язов при этом обогатил армейский фольклор. Его самого народ переименовал в «Язву». А офицерские тужурки, хотя ввел их в форму одежды не он, а лет за 20 до него, окрестили «язовками». Потом и производные появились. Так, в холодную погоду, когда отопление плохо работает, офицеры пододевали под тужурку какой-нибудь джемпер, чтобы под формой не видно было. В обиходе такие утепления назывались «вшивниками». А теперь, поскольку их под «язовкой» носили, переименовали в «подъязники».

Однако подтягивание дисциплины тужурочной страдой только началось. Язов создал Комиссию по наведению уставного порядка под руководством генерал-лейтенанта Горелова. Ему, этому Горелову, было уже за 70 – и его перспективы держаться на службе целиком зависели от мановения пальца министра. Поэтому Язов мог использовать его в качестве вернейшего пса, который ни на йоту не отступит от его указаний. А Горелов набрал в комиссию сотрудников «молодых да ранних» и ни на что больше не годных по причине крайней тупости. Так что их служба полностью зависела от мановения пальца генерала Горелова, и они стали его вернейшими подручными. Этой комиссии министр предоставил «организационно-кадровые полномочия» – она получила право отстранять от должности лиц, до командира полка включительно. Ее начали насыщать то на одно соединение, то на другое.

Наш Научно-испытательный институт ВВС им. Чкалова тоже попал в список жертв. Разумеется, отцы-командиры переполошились. Связались с коллегами, которых Горелов уже прошерстил, все разузнали. Когда до нас довели требования, предъявляемые комиссией, они поначалу вызвали буйную ржачку. Уж больно они смахивали на розыгрыш или на типичные армейские анекдоты. Предписывалось привести всю обстановку к единообразному виду, чтоб никакого разнобоя, разной раскраски. А для пущего единообразия – вообще никакой раскраски. «Дерево должно быть деревянным, железо – железным, кирпич – кирпичным».

Смешно? Нам тоже было смешно. Но когда выяснилось, что требования придется безоговорочно выполнять, стало совсем не до смеха. Всю мебель надо было привести к единому «деревянному» цвету. Если чей-то стол был покрыт бесцветным лаком, это разрешалось оставить. А если нет, то краску или темную полировку предстояло содрать до дерева.

Наверное, даже ЦРУ такая диверсия не снилась в самых фантастических проектах. Одним махом и на длительный срок было выведено из строя множество частей Советской Армии. Какая уж тут служба! Напрочь забросив служебные обязанности, весь личный состав, вооружившись осколками стекла, скоблил столы, стулья, шкафы. Соответственно обдирались или перекрашивались в «металлические» цвета все металлические детали интерьера. А фасады старых зданий приводились к «кирпичному» цвету.

Но предполагалась проверка не только «внешнего», а еще и «внутреннего» порядка. В столах разрешалось держать только канцелярские принадлежности. В шкафах – только рабочие тетради. Книги, учебники, справочники хранить уже запрещалось – им надлежало пребывать в библиотеке, браться оттуда по мере необходимости и сразу же сдаваться назад. Категорически возбранялись любые излишества. Стекла на столах, календари на стенах. Все предметы, выходящие за рамки дозволенного минимума, народ уносил по домам, выбрасывал, прятал по дальним каптеркам и техническим домикам. А машинистки, работницы фотолаборатории, секретного и строевого отделений, в охапках эвакуировали домой горшки с цветами, украшавшими подоконники. Они тоже попадали под категорию «не положено».

Наконец – нагрянули. Сам Горелов обретался где-то в вышестоящем штабе, а в нашей части появились его подручные. Мы, кстати, до последнего момента считали слухи о комиссии преувеличенными. Ну разве могут люди быть такими идиотами, как о них рассказывали? Но слухи оказались преуменьшенными. Гореловцы шныряли по подразделениям, как крысы. Драли беспощадно за каждое замеченное «несоответствие». А целью как раз и было – высмотреть повод, чтобы придрататься и выдрать. Самый эффектный погром они учинили в химической лаборатории. Туда явился один из проверяющих и обнаружил, что пробирки и колбы на стеллажах стоят «не по ранжиру». То есть не по росту выстроены. Выдал разнос по полной программе и потребовал устранить недостаток.

Прибежал пожилой полковник, начальник отдела. Умолял и доказывал – если эти пробирки с тысячами образцов авиационных топлив и масел построить «по ранжиру», химики потом вообще разобраться не смогут, где что. Но на это проверяющий авторитетно заявил:

– Наоборот. Когда будут стоять по ранжиру, сразу разберетесь! Полный порядок и никакой путаницы!

Настоял, чтобы «уставной порядок» навели немедленно, у него на глазах. Потом специалистам пришлось месяца три копать, разбирать и сортировать образцы.

К счастью, в нашей части работа комиссии обошлась без «организационно-кадровых выводов». Но память о себе оставила незабвенную. Когда потом к нам приходили из училищ молодые офицеры, начинали жаловаться на какие-нибудь трудности, старшие товарищи снисходительно похлопывали их по плечу:

– Э-э, браток! Это разве трудности? Вот не застал ты «гореловщины»!

На заработки

На последнем этапе «перестройки» начались «хозрасчеты», «самоокупаемости», и вся армия сверху донизу стала бредить коммерцией. А как бы и что придумать, чтоб прибыль приносило? Ведь и цены тогда стали задираться куда быстрее военных окладов. Кто-то увольнялся, уходил работать в появившиеся частные фирмы. Другие рождали в курилках самые сногшибательные проекты о создании подобных фирм и кооперативов на базе самих воинских частей.

Вот в это время, в 1991 году, сверхтяжелый транспортный самолет «Руслан», принадлежавший нашему институту, полетел для участия в авиасалоне в Сидней. А там к советской делегации подкатилась предприимчивая австралийская фирма. Предложила, не согласится ли «Руслан» на обратной дороге взять попутный груз? Обещала хорошо заплатить. Руководство делегации связалось с Москвой, с Главным штабом ВВС. Там бурно поддержали. Конечно же, соглашайтесь! Кто же сейчас от денег отказывается! Груз доставили то ли до Бирмы, то ли до Таиланда, и фирма заплатила действительно щедро. Да еще и в валюте – в те времена это считалось чрезвычайной удачей! Валюта поступила и на счета ВВС, и экипажу перепало с сопровождающими лицами...

А австралийцы решили дальше пойти. Предложили советским ВВС заключить контракт на 10 миллионов долларов. Чтобы их фирма зафрахтовала наш «Руслан» для грузовых перевозок. Главный штаб ВВС воспринял идею с неопишуемым энтузиазмом. Сделку заключили мгновенно, получили 2 миллиона аванса.

Вот тут-то развернулась жестокая борьба за право ехать на заработки! Понятное дело, в экипаж кого угодно не включишь. Все-таки управлять «Русланом» может далеко не каждый. На инженерно-техническое обслуживание тоже не всякий способен – надо самолет знать. Поэтому места бортинженера и бортехника заняли не слишком высокие начальники – те, кому приходилось работать с «Русланом» в ходе испытаний. Но за места в бригаде грузчиков закипели кулуарные баталии. Тут уж пускались в ход и связи, и знакомства, и служебное положение, и интриги. Кончилось тем, что вмешался сам главнокомандующий ВВС. Потребовал любовного и более-менее справедливого распределения мест, чтобы всем заинтересованным организациям поровну досталось, и взялся лично утверждать список грузчиков.

Но все равно, попасть в этот список ухитрились лишь высокопоставленные работники главного штаба ВВС, командиры частей и их заместители. Самым низшим званием грузчика было подполковничье, да и подполковник смог туда затесаться только один (для внешней «справедливости»). Остальные были полковники и генералы. Готовились к поездке на заработки очень тщательно. Раньше-то за границей почти никто не бывал – разве что на тех же выставках и авиасалонах. Сейчас «ветераны» учили новичков – чтобы драгоценную валюту не тратить, надо жратву брать с собой. Дескать, на международных авиасалонах всегда так делали. Техники на борту самолета варили какой-нибудь борщ, которым и питалась вся делегация вплоть до генеральных конструкторов. А валютные командировочные – на покупки... Учтя этот опыт, перед вылетом за рубеж скинулись, закупили картошки, лука, сала...

Прибыли в Австралию. Но самолет-то был уже не экспонатом выставки, а обычным коммерческим бортом. На период фрахта он принадлежал местной компании. Поэтому первым по трапу поднялся санитарный контроль. Здоровенный негр-полицейский увидел запасы: шматки сала, подопревшие мешки с прорастающей картошкой. Брезгливо скривился и жестами показал, что всю эту антисанитарию надлежит немедленно уничтожить. Одному из грузчиков, генерал-майору из главного штаба, подобное отношение к своей персоне и своему имуществу показалось оскорбительным. Он полез было качать права. Но сразу почувствовал на своей шкуре бесправное положение угнетенного пролетариата. Негр про-

сто посмотрел на раскипятившегося грузчика и показал ему наручники. Поднял за цепочку и выразительно покачал ими в воздухе. Высокопоставленный чернорабочий все понял и счел за лучшее заткнуться. К самолету тем временем подрулил большой чан с разными отбросами, и все запасы, провожаемые грустными взглядами владельцев, скопом ухнули туда...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.